

Антон Кротов

Автостопом в Судан

На попутках из Москвы через Грузию,
Турцию, Сирию, Иорданию, Египет в Судан
и обратно в 1999 году

АНТОН КРОТОВ

**Автостопом в Судан. На попутках
из Москвы через Грузию, Турцию,
Сирию, Иорданию, Египет
в Судан и обратно в 1999 году**

«Издательские решения»

Кротов А.

Автостопом в Судан. На попутках из Москвы через Грузию, Турцию, Сирию, Иорданию, Египет в Судан и обратно в 1999 году
/ А. Кротов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748141-4

Через заснеженный Кавказ, Грузию, Турцию, Сирию, Иорданию, Египет, автостопщики отправились в далёкий и загадочный Судан (в начале 1999 года). Путешествие было непростым. В Батуми участников поездки посадили в тюрьму, в Египте — запрещали путешествовать автостопом; Интернет и мобильная связь ещё не распространились по планете, а на весь 100-дневный маршрут у нас было в среднем по 200 долларов. А Судан оказался одной из лучших стран мира. Книга с рисунками и фотографиями автора.

ISBN 978-5-44-748141-4

© Кротов А.
© Издательские решения

Содержание

Как возникла идея маршрута	6
Участники путешествия	7
Подготовка путешествия	9
Перед стартом	11
Автостопом по Турции	27
Дружелюбная Сирия	32
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Автостопом в Судан На попутках из Москвы через Грузию, Турцию, Сирию, Иорданию, Египет в Судан и обратно в 1999 году

Антон Кротов

Иллюстратор Антон Кротов

© Антон Кротов, 2020

© Антон Кротов, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4474-8141-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Как возникла идея маршрута

В апреле 1998 года, в уютном индийском городке Нойда неподалёку от Дели, в гостях у нашего индийского друга Прабхата Раджана, сидели участники великого путешествия в Индию и читали по очереди старый путеводитель по Африке, который купили за полцены на одном из делийских базаров.

Африка так велика, а в книжке всё так заманчиво близко! Куда же мы поедem в следующий раз? Напрашивался интересный и несложный маршрут – по Турции, Сирии, Иордании, Египту, Судану, Эритреи, Эфиопии – побывать на Килиманджаро и на озере Виктория... Когда же мы все воротились домой, оказалось, что путеводитель был старый, и за последние несколько лет многое усложнилось.

Крупнейшая страна Африки, Судан, вновь переругалась со своими юго-восточными соседями – Эфиопией и Эритреей, и границы с ними закрылись. Судан оказался тупиковой (в дорожном смысле) страной, откуда можно было уплыть (в 1999 году) только по морю.

Так как Саудовская Аравия почти не выдаёт виз вольным путешественникам, мы решили продолжить наш предполагаемый маршрут через Йемен, Оман, Арабские Эмираты и уже знакомый нам Иран, завершив таким образом кольцевой маршрут вокруг Аравийского полуострова.

Итак, мы наметили очередной маршрут – через Грузию, Турцию, Сирию, Иорданию, Египет, Судан, Йемен, Оман, Эмираты, Иран и Азербайджан – одиннадцать стран, почти 20.000 километров, примерно три с половиной месяца пути. Старт Аравийской экспедиции был намечен на 1 февраля 1999 года.

Сразу скажу, что доехать нам удалось только до Судана, но и это «открытие Африки» оказалось необычайно интересным и подтолкнуло нас и многих наших друзей к дальнейшему исследованию мира.

Участники путешествия

Из «индоедов» (достигших Индии в ходе экспедиции 1998 года) в новое грандиозное путешествие на юг поехали лишь двое: я и Владимир Шарлаев из Петербургской Лиги Автостопа. За истёкший год из обычного автостопщика Шарлаев стал настоящим автостопщиком-фундаменталистом, ибо питал отвращение ко всякому рейсовому (общественному) транспорту, даже бесплатному. Когда в пути нам встречались добродушные автобусы, маршрутки и поезда, готовые совершенно задаром подвезти нас, Шарлаев сердился и отгонял сей неканонический транспорт прочь. И даже во всех городах Владимир избегал общественного транспорта и ездил исключительно автостопом, пока платный рейсовый паром из Иордании в Египет не нарушил его автостопные принципы. Как это произошло, вы узнаете в своём месте.

Другой питерец, Костя Шулов, в прошлогодней индийской эпопее провожал нас лишь до Ирана – чтобы не покидать слишком надолго свой университет. На этот раз учебный вопрос был решён своеобразно. Мы заранее составили специальное письмо для декана того факультета, где учился Шулов. В нём говорилось, что Академия вольных путешествий, организуя великую экспедицию, очень просит отпустить на три месяца студента К. Шулова, очень важного и незаменимого человека. Костя был отличником, его отпустили легко, но к первому мая он по-любому должен был вернуться в Питер.

Шулов имел и другие свойства. Например, он опаздывал на стрелки, а также всё терял. Зато он заранее подучил иноземные языки и на первых порах был самым разговорчивым, выливая на турецких водителей шквал персидских слов, правда почти безрезультатно.

За пару месяцев до старта всем остальным казалось, что оба питерских участника поедут в паре, настолько похожими они были по некоторым признакам. Оба невысокого роста, оба в жёлтых комбинезонах и с одинаковыми рюкзаками, оба с кредитными карточками (у других граждан их не было), оба сделали прививки от жёлтой лихорадки, оба активны, инициативны и полны всяких идей. Но ещё задолго до старта петербуржцы поссорились. Один любил просыпаться поздно, другой ещё на два часа позже; один собирал рюкзак долго, а другой ещё дольше; один всегда был уверен в собственной правоте, а другой, как ни странно, тоже. Было и ещё одно, очень важное, разногласие: Шулов ни в коем случае не хотел ездить в одиночку по диким странам, а Шарлаева одиночество никак не тяготило. В результате у питерцев не только не получилось неделимой пары «смелых и умелых», но и вообще они стали избегать друг друга. В результате индивидуалист Шарлаев поехал до Турции по западному берегу Чёрного моря (через Молдавию, Румынию, Болгарию), а Шулов, как и все остальные, по восточному берегу моря – через Батуми.

Паша Марутенков, житель подмосковного Оболенска. Год назад он провожал нас, едущих в Индию, лишь до Армении (поскольку не успел сделать загранпаспорт). В тот раз он ехал девять дней от Москвы до Еревана в паре с Алексеем Журавским (47 лет, кличка Полковник), который был тогда самым старшим участником индийской поездки, увлекался йогой, медитациями, святыми вибрациями и прочее. На этот раз Полковник присутствовал с нами незримо, ибо Паша, в некотором роде, был его заменителем. Он оказался старше всех нас, спокойнее и рассудительнее – и тоже, как и Полковник, увлекался всякими высшими энергиями. И хотя Паша, в отличие от своего лысого прообраза, был вполне волосат, – все его энергетические упражнения и телодвижения мы, вспоминая Полковника, в шутку именовали «лысыми».

Очередной участник поездки, москвич Андрей Петров, больше всего на свете любил чай. По крайней мере, такое мнение могло сложиться у каждого, кто ездил с ним в паре. Андрей

настраивался на чай во всех городах и странах, и все белые, коричневые и чёрные люди угощали его чаем, а он радовался. Помимо чая, Андрей любил бороться (в основном армрестлингом) со всеми лицами мужского пола, кто на это соглашался, и за эти месяцы переборол не только нас всех, но и многих местных жителей. Также Андрей быстро научился: напрашиваться на ночлег во всех странах; читать закорючки арабского языка; экономить деньги и даже умножать их количество.

Дело в том, что Андрей Петров стартовал из дома с весьма незначительной суммой денег – у него было всего около ста долларов. И это при том, что нам предстояло потратить около двухсот долларов на всякие разные визы и международные паромы, – да и не только же одними визами и паромными сборами мы питаться в течение трёх с половиной месяцев! Когда же в мае мы вернулись по домам, оказалось, в частности, следующее: Андрей не только не умер с голоду и никому не задолжал, но и я ещё остался ему должен тридцать баксов! Причины и способы загадочного размножения денег в дальних странах раскроются вам, читатель, из дальнейшего повествования.

Как обычно бывает, к людям, едущим в большие путешествия автостопом, присоединяются провожающие. На этот раз нас провожало четыре человека: два до Египта, один до Сирии, один до Турции.

Григорий Кубатьян, ещё один питерский студент, прошлым летом имел опыт путешествий по Европе. Один из его друзей по учёбе был некий египетский студент, учившийся в Питере. Гриша хотел достичь Египта, там заехать к своему другу (тот жил в городе Танта), а потом уплыть или улететь домой. Прибыв в Батуми, Гриша оказался невольным виновником нашего недельного заключения, когда в три часа ночи искал ночлег вблизи президентского дворца... но об этом – ниже.

Александр Казанцев не так давно прилетел из США, где провёл несколько месяцев и даже совершил «кругоштатовское» путешествие. В мирской жизни он был студентом МГУ. У Саши было интересное отношение к деньгам – он их практически не тратил. О дальнейших свойствах и судьбе Казанцева, провожавшего нас до Египта, вы узнаете из книги.

Миша Венедиктов, тоже московский студент, провожал нас до Сирии, где отличился любовью ко всяким вкусностям. Была у него ещё такая особенность: рюкзак его содержал всё не внутри, а снаружи. На мишином рюкзаке болтались: палатка, спальник, стойки для палатки, предметы одежды и т. д. и даже жёлтый пластмассовый сундучок (напоминающий докторский), в котором непромокаемо хранился фотоаппарат.

Калужанин Миша Кошелев рассчитывал потратить за всю поездку около пятнадцати долларов, из которых десять он предназначал на турецкую визу. В Турции Миша отделился от нас и, не найдя денег на визу Сирии, поехал домой через Болгарию и Румынию.

Ещё один человек, москвич Олег Моренков, хотя и сделал некоторые визы, в последний момент стал колебаться – ехать или нет? – и, предпочтя учёбу, всё-таки остался дома.

Таким образом, в южные страны стартовало девять человек, пятеро из которых имели суданскую визу и намеревались пройти полным маршрутом, а остальные четверо провожали нас до разных мест.

Подготовка путешествия

Подготовка ко всяким международным экспедициям включает в себя обязательные похождения по посольствам. Из девяти необходимых для всего «кольца» виз мы решили сделать в Москве лишь четыре: сирийскую, иорданскую, египетскую и суданскую. Мы знали, что суданская виза делается очень долго, и заказали её заранее, за два месяца до старта. Остальные три визы делаются в течение суток каждая, но посольщики каждой из стран мягко просили принести приглашение или бронь гостиницы. Мы вместо сего показывали важную бумагу с печатью Академии вольных путешествий, и посольщики, проникнувшись уважением к нам, про приглашения сразу забывали. Четыре визы, вместе взятые, обошлись нам в 85 долларов на человека.

Так выглядела виза Судана в 1999 году

Визу следующей страны, Йемена, мы тоже хотели получить заранее, но йеменское посольство заломило цену – пятьдесят долларов. И хотя на другой день цена упала вдвое, мы решили не расходовать деньги зря и сделать йеменскую визу по дороге в какой-нибудь другой стране. Получение виз Омана, Эмиратов и Ирана мы тоже оставили на потом (как вы узнаете из дальнейшей повести, они нам и не понадобились). Ну а самая первая виза, турецкая, ставится всем желающим за десять долларов прямо на границе¹.

Таким образом, визовый вопрос решился просто. Но был и другой вопрос – денежный. Читатель, возможно, уже и не помнит о событиях августа-сентября 1998 года, когда курс доллара резко вырос более чем в три раза, с 6 до 20 рублей, и большие доллары на путешествие достать было очень сложно. Все визы, паромы, да и вообще все заграничные путешествия стали для россиян втрое дороже. Поэтому мы взяли с собой «деньгозаменители»: металлические российские монеты, открытки и даже билеты АО «МММ». Эти бумажки представляли собой как бы акции, давно лопнувшие, но солидно выглядящие, с водяными знаками и портретом основателя компании Сергея Мавроди – чем не деньги?

¹ Ситуация с визами и границами, описанная в книге, была в начале 1999 года. Сейчас многое уже изменилось, например, Турция стала безвизовой для российских граждан, в Сирии началась гражданская война, Йемен тоже стал сложным местом для путешествий. Поэтому прошу не рассматривать эту повесть как современный путеводитель по региону, а при желании вновь посетить эти страны, узнать текущую ситуацию, например, на «Форуме Винского» в Интернете www.awd.ru или в группе ВКонтакте «Академия вольных путешествий» http://vk.com/avp_travel_ru. – Примечание 2016 года.

Все эти сувениры мы предполагали сбывать жителям дальних стран. Ведь известно, что в старину путешественникам удавалось поменять в Африке, скажем, ржавый гвоздь на стадо верблюдов и т.п.. Почему бы и не попробовать?

Кроме виз, денег и деньгозаменителей, каждый из участников получил специальную бумагу со своей фотографией и с печатью АВП, призванную облегчить общение с чужеродными посольщиками, таможенниками и полицейскими.

Перед стартом

Читатель может уже позабыть политическую обстановку в мире, какова она была на начало 1999 года. А ситуация была непроста и изменчива.

Россией правил президент Ельцин (помните – был такой!) Наша экономика едва начала шевелиться после августовского кризиса 1998 года, но россияне были, как правило, небогаты. Пятьдесят долларов в месяц – такова была нормальная зарплата в российской провинции; а сто долларов были уже довольно значительной суммой

Войска НАТО бомбардировали Югославию. Россия пыталась защитить братьев-сербов от мусульман-албанцев и от «миротворческих сил» Запада.

От Грузии уже несколько лет как отделились Абхазия и Южная Осетия. Они продекларировали свою полную независимость от Тбилиси, но Россия ещё этого не признала, и проехать из Южной Осетии в основную Грузию можно было без проблем.

В горных восточных районах Турции волновались сепаратисты-курды. Кое-где был введён комендантский час, и не все дороги были открыты для круглосуточного передвижения.

В Сирии было всё спокойно, недавно прошли очередные выборы, на которых, как обычно, 99,99 процентами голосов был избран вечный президент Хафиз Асад – уже на пятый семилетний срок (в 2000 году он скончался, и пост президента перешёл к его сыну, Башару Асаду).

В Иордании, незадолго до нашего отъезда, скончался король Хусейн, правивший страной в течение последних 47 лет. Трон унаследовал его сын, Абдулла.

На юге Египта террористы изредка, раз или два в год, продолжали взрывать и расстреливать иностранных туристов. Чтобы спасти туристский бизнес, власти ввели особые законы. Египтянам запрещалось подвозить на своих частных машинах или вписывать в своих домах любых иностранцев. Полицейские, активно занимаясь нашим «спасением», затрудняли вольные путешествия в этой стране.

В Судане, в крупнейшей стране Африки, уже много лет шла медленная, но изнурительная гражданская война на юге страны. Война, сопутствующие ей голод и болезни уносили жизни сотен тысяч суданцев из южных провинций. Маршруты из Судана на юг (в Заир, Уганду, и Кению) были совершенно недостижимы. Границы с восточными соседями (Эритрея и Эфиопия) были также тогда закрыты. Мусульманская Эритрея воевала с христианской Эфиопией, и обе они находились в плохих отношениях с Суданом. Египетско-Суданская сухопутная граница также была закрыта, но, по счастью, циркулировал паром.

В Йемене, куда мы так и не попали, местные дружелюбные племена иногда воровали туристов, оптом и в розницу, правда потом всегда отпускали их.

Две страны в регионе – Ирак и Ливия – находились под гнётом международных санкций ООН. Трудность получения виз в эти страны не позволила нам включить их в свой маршрут. Другую визовую трудность представляла собой Саудовская Аравия, поэтому мы не прокладывали свой маршрут через эту страну.

Выбор маршрута всегда зависит от международной обстановки. В каждой стране есть разные места – одни более, другие менее пригодны для вольных путешествий. Кроме того, в каждой стране есть «изюминки» – интересные места, которые стоит посмотреть. Мы планировали проскочить побыстрее Грузию и Турцию (кто там не был, всегда успеет съездить и специально посмотреть), потратить две недели в полной достопримечательностей Сирии, посмотреть Иорданию... далее – по обстановке. Определив маршрут, мы заранее назначили такие места встреч:

6 февраля 1999 года – на железнодорожном вокзале в Батуми (Грузия – Аджария);

10 февраля (необязательная) – у ворот российского посольства в Анкаре (Турция);

13 февраля – у ворот российского консульства в Алеппо (Сирия);
26 февраля – у ворот российского посольства в Дамаске (Сирия).
О дальнейших местах встреч мы должны были договориться на местах.

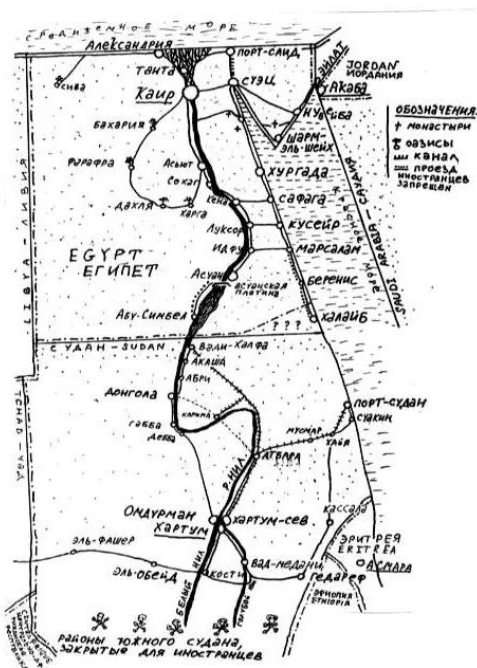

Схема нашего маршрута 1999 года.

Кончается январь 1999 года.

Сирийская, иорданская, египетская, суданская визы стоят у нас в паспортах.

В путь!

Что нас ждёт завтра?

В путь!

Конец января в Москве выдался неожиданно тёплым. Казалось, зима отступила, чтобы дать нам возможность заранее акклиматизироваться к далёким странам Юга. Но в ночь перед стартом неожиданно поднялся ветер, заметелило, похолодало; наутро градусник показывал минус пятнадцать.

Первый участок пути, от Москвы до Батуми, я традиционно ехал один. «Одному быстрее и проще, поеду в ночь, убегу от зимы», – думал я.

Тридцать первого января, в 12.30, я пересёк границу Москвы и занялся автостопом на Ростовской трассе. Водитель неновых «Жигулей» провёз меня первые три километра – до поворота на Видное. Он так и не успел узнать подробности 20.000-километрового путешествия, начавшегося в его машине.

Мне, настроившемуся на южные страны, было зябко на зимней дороге. Поэтому вскоре я с удовольствием уселся в «Камаз» до Воронежа. К ночи буду в Воронеже, завтра к полудню – в Ростове, а там уже нет снега, весна!

Но оптимизм мой оказался преждевременным. Вечером, как только стемнело, мы попали в огромнейшую пробку где-то перед Ельцом. На трассе случился гололёд, да такой, что встала

вся трасса на двадцать километров вперёд. Грузёные «Камазы» застревают на подъёмах, а с ними застряла и вся трасса, вперёд и назад, насколько хватало взгляда.

Водитель, Рафаил, жил в Ставрополе, там, где сходятся границы Ставропольского края, Дагестана и Чечни. Удивил меня оптимизмом и дружеским отношением ко всяким, как принято считать, вредным народам и явлениям. Чеченцы? неопасные люди. Если бы БТРы не патрулировали, никто и не узнал бы, что рядом граница. Возят в Чечню всякий товар, муку возят, нет проблем. Дагестанцы? В нефтепроводы врезаются и солярку продают ворованную. По сорок копеек всего. Гаишники? да все камазисты живут в симбиозе с ними. Ты с ними делишься, а они разрешают тебе ночевать около своих постов.

Пробка казалась безнадёжной. За окном стоял смог из выхлопных газов сотен грузовиков. Настала ночь. Рафаил задремал, а я оставался бдеть, когда освободится дорога. Когда в толпе машин начиналось движение, я будил водителя и мы проезжали метров сто или двести. Гололёд был величайший. По сторонам дороги я насчитал больше десятка перевёрнутых машин. Уцелевшие водители бродили среди сугробов, жгли вонючую резину, грелись, кутались, зябли на зимнем ветру.

Несколько километров мы ехали... тринадцать часов. Надежды на скорое достижение Воронежа не оправдались. Только в полдень первого февраля мы, наконец, миновали пробочный участок и достигли Ельца, и только потом – Воронежа. Здесь оптимистичный камазист Рафаил сворачивал на Валуйки, а я поехал дальше, ожидая быстро миновать за ночь внезапно похолодавший участок России и встретить рассвет уже за Ростовом.

Поздно вечером мне повезло ещё на один неторопливый «Камаз». Я стоял на Лозовском повороте (это в 300 км южнее Воронежа) и пугал катафотами ночной транспорт. Рядом стоял грустный ночующий грузовик и не подавал признаков жизни. Но вдруг он проснулся, и некий нахохлившийся человек вышел оттуда и обратился ко мне примерно с таким вопросом:

– Слушай, браток, ты на Ростов едешь? а у тебя деньги есть? – и видя моё молчаливое удивление, объяснил ситуацию. Водители, двое ростовчан, регулярно ездили в Белоруссию за весьма прибыльным товаром – морковкой. Из-за падения курса российского рубля морковка на этот раз оказалась для них дороже. Большую часть денег потратили, оставив немного на солярку и ГАИ. Но гаишники брали по-чёрному, и деньги кончились совсем. Ростовчане таскались уже целую неделю, разыскивали на стоянках земляков-ростовчан, одолжились где могли, а сейчас застряли – опять на нуле – всего в двухстах километрах от дома. Предложение водителей было таково: я одалживаю им деньги на дорожные расходы, а они по приезде в Ростов мне всё отдают.

Я про себя подумал, что негоже водителям ездить по трассе без денег и высматривать на трассе автостопщиков для своего продвижения... и, конечно же, согласился.

Мы заправились на все имевшиеся у меня рубли и поехали, но на следующем посту ГАИ нас оштрафовали за перевес. Денег у водителей не было; у меня остались только доллары, но ГАИ брать в валюте не хотели, а в ночной деревне, где нас застопили, не было обменников, да и жители имели слабое представление о текущем курсе доллара. Пока торговались с гаишниками и избавлялись от долларов, прошло несколько часов. В общем, лишь утром мы поползли к Ростову.

Ростовские степи. Рыжая прошлогодняя трава, посыпанная вчерашним снегом. Ветер. Говорят, только вчера здесь началась зима, а недавно было до +16! Опять не успел, нужно будет избавиться от водителей-морковников и поехать быстрее на юг.

Морковники ехали медленно, грызли морковку (она уже два дня была их единственной пищей) и жаловались на жизнь. Когда приползли в Ростов, водители разошлись в поисках своих знакомых – у кого бы одолжить и отдать мне тысячу рублей. Итак, когда я стоял на развязках Ростовской объездной, день клонился к вечеру. Я ехал до Ростова более двух суток – настоящий рекорд медленности!

Военный-подводник, ехавший из Севастополя в Кропоткин на новенькой иномарке, прибавил мне оптимизма; а к двум часам ночи я добрался до большого рынка у объездной дороги города Пятигорска на машине, гружёной шампунем. Снег сыпался обильно (опять говорили, что зима наступила только вчера). Тут мне сильно захотелось спать – всё же третья ночь в дороге. Я прошёл пятигорский рынок, набрёл на развалины какого-то колхоза и улёгся спать в сарае с сеном, оставив на снегу цепочку свежих глубоких следов.

* * *

Проснулся в шесть утра. Прохладные, вязкие, кисельные сумерки. Тёмные силуэты за окном. Собрал спальник, рюкзак; как вдруг один из законных силуэтов зашевелился.

– Стой, стрелять буду!

Я вздрогнул от неожиданности. Оказалось – старик с пустым ведром в руках, колхозный сторож, безвредный, нашёл меня по следам. В его сторожке я поел кашу и направился на трассу.

В Нальчике я должен был обменять образовавшиеся у меня в Ростове рубли на какую-нибудь другую валюту. Обменных пунктов нигде нет, но на Центральном рынке процветает неофициальный ручной обмен. Обменщиков человек двадцать, все стоят рядом, и все похожи: высокие кабардинцы в меховых шапках и длинных тулупах, с квадратными лицами, из которых доносится бормотание: «Доллар менять, доллар...»

Обменщики оказались честными людьми, и я продолжил свой путь.

* * *

Последний российский город на моём маршруте – Алагир. Здесь начинается Военно-осетинская дорога. Город наполнен слухами, что трассы через Кавказ закрыты из-за обильного снега. Вот те на! На южном посту ГАИ собралась пробка. Гаишники пропускают только некоторые машины, выбирая их по непонятному мне признаку. Сверху, с гор, периодически проскакивают залепленные снегом южно-осетинские машины. Говорят, что трасса безрадостная, но проехать можно.

Вечером пошёл рейсовый автобус на Бурон (это маленький посёлок повыше Алагира, в горах, но ещё на российской стороне Кавказа). «Не будет машин, переночую, а наутро пойду пешком», – появилась неразумная мысль. К счастью, движение всё-таки открыли. Двое осетин с номерами 15RUS уже в полумраке подбирают меня до Цхинвали.

Начали неспешную кавказскую беседу. Узнали, что у меня есть фотоаппарат. Спрашивают:

– А сфотографироваться можно?

– Не выйдет, темно, а вспышки нет.

– Жаль, а то в Москве напечатал, показал бы: я, мол, с чурками чернорожими. Да?

– Нет, ну что вы, – не согласился я, – не буду так говорить!

– Та, нас же там не будет!.. – отвечали осетины, не особо уверовав в мою искренность.

* * *

Два товара идут на экспорт из Южной и Северной Осетии: водка и мандарины.

Все помнят историю осетинского спирта, поток которого пытались перекрыть два года назад. Тогда по ту сторону Кавказа, в Южной Осетии, скопилось фантастическое количество спирта – несколько сотен грузовиков. Таможня не пропускала их в Россию, хотя водители,

по слухам, предлагали пограничникам огромные взятки. Потом всё же «наука победила», и спирт куда-то пропал. Наверное, провезли в Северную Осетию и переработали в водку.

Вторая статья осетинского экспорта – мандарины. Они попадают в Осетию из Аджарии. Там они идут почти за бесценок, а, перевалив Кавказ, дорожают почти вдвое. Цена на мандарины по ту сторону Кавказа, в Алагире, колеблется в зависимости от погоды. Пришло сообщение, что перевалы закрыты – цена тотчас растёт: все понимают, что подвоза новых сегодня не будет. Расчистили перевалы – мандарины дешеветь обратно.

...На въезде в Южную Осетию с меня как россиянина должны были взять 25 рублей въездного налога. Но шёл такой густой снег, что никто из таможенников и не высунулся из будки, чтобы посмотреть на облепленную белым снегом белую машинку с номерами 15RUS. Два северных осетина ехали в гости к южным.

Мы долго, осторожно спускались с перевала. По сторонам дороги стояли занесённые снегом грузовики. Кое-где виднелись машины колёсами вверх, потерявшие равновесие при спуске. Спустя бесконечно долгое время водители въехали в какую-то деревушку и спросили у меня:

– А ты осетинский пирог пробовал?

Обнаружив моё досадное упущение, водители притормозили у маленькой столовой. В крохотном помещении была печка, топившаяся дровами. Хозяйка непрерывно месила руками тесто, лепила пироги и ставила их в печь. Отогрелись, отъелись – спасибо водителям! – и к полуночи прибыли в Цхинвали.

С трудом отделавшись от предложений переночевать, я миновал пешком полуночный, тёмный, обледенелый город и добрался до уже известной мне трассы на Гори. Асфальт был покрыт тонкой корочкой льда. Дорога шла на подъём, и вскоре рядом со мной, идущим вверх, забуксовал новенький микроавтобус. Подталкивая его сзади, я помог водителю одолеть крутой подъём. Машина шла в Гори и провезла меня до автомобильной развязки на пересечении с трассой Тбилиси – Кутаиси – Батуми.

Над Грузией бушевала метель, какой не видели здесь уже многие годы. Идя по правой обочине дороги, я не видел левой обочины. В притрассовой заправочной, равно как и на посту ГАИ, на ночлег меня не вписали – испугались, наверное. До города было далеко, и я решил дожидаться какой-нибудь машины, которая бы вывезла меня из царства метели куда-нибудь в Кутаиси, на тёплую вписку.

Редкий сумасшедший отправится в путь на своей машине в ночь в такую погоду, но мне повезло. Два грузина на своей новой иномарке, купленной, по их словам, всего неделю назад, ехали «испытывать» покупку. Машина была скороходной, и в иную погоду мы были бы в Кутаиси часа в три ночи. Но погодные условия не способствовали нам. Вчера ещё в Грузии была почти по-летнему солнечная погода, а сейчас в свете фар не было видно ничего, кроме бесконечно валящегося снега. Гаишники на дорожных постах задерживали весь транспорт, но мои новые попутчики показывали свои важные удостоверения и – где быстро, где медленно – уговаривали пропустить их.

Мы были единственной машиной на дороге, взрезающей снежную целину. Встречных и обгоняющих не было вовсе. Не только я, но и сами водители не раз удивлялись, как им удаётся вычислять обочины и изгибы трассы.

В один прекрасный момент, когда в очередной раз видимость упала с двух метров до нуля, произошла авария. Я ударился головой о спинку переднего сиденья; грузины, вероятно, тоже во что-то ударились, так что я услышал поток русско-грузинских ругательств.

С трудом отворив двери, мы вышли наружу. Оказалось – машина ушла в левый кювет и сбила металлический дорожный знак – ограничитель скорости «40 км/час». Машина лежала на брюхе, впечатавшись в снег и слякоть. Рядом валялись пластмассовые обломки, отвалившиеся при ударе.

Оглядевшись, мы поняли, что нам очень даже повезло. Левый кювет, в который мы угодили, был весьма неглубок. А вот справа от дороги, никак не огороженная, протекала в глубоком ущелье быстрая горная река, и свалиться туда было даже более вероятно...

Вытащить машину втроем не удалось. Размешивая под ногами снег и слякоть, долго выглядывали на трассе какого-нибудь другого сумасшедшего. Минут через двадцать мы дождались своего счастья: подъехала «Волга», полная народа, и восьмером нам удалось-таки выкачать нашу новенькую, но уже потрёпанную машинку.

Итак: когда мы достигли, наконец, Кутаиси, было уже светло, и вписываться на ночлег к водителям было как-то несвоевременно. Поэтому я продолжил своё путешествие и на попутном автобусе выбрался, наконец, на Черноморское побережье в городе Потти.

Только сейчас, после четырёхсуточной гонки наперегонки с погодными условиями, я наконец попал во влажный субтропический климат. Метели и гололёда не было и в помине – снег здесь, вероятно, вовсе не выпадал. На очередном попутном автобусе я прибыл в Батуми, тем самым завершив первый этап большого путешествия.

* * *

На территории всего бывшего Союза был только один-единственный город с реально субтропическим влажным климатом – это Батуми, столица Аджарской автономии в составе Грузии. Здесь никогда не залёживается снег; и сейчас, когда всего в нескольких часах езды отсюда бушевали метели, здесь, среди пальм и мандариновых садов, температура не опускалась ниже плюс десяти.

Мандариновые сады, покрывающие всё побережье и склоны окрестных гор, ныне являются почти единственным товаром, которого в городе хоть завались.

Здесь хотя и не было гражданской войны, как в Абхазии или Южной Осетии, но бедность и запустение тоже проникли сюда. Несколько лет назад подача электричества зимой снижалась до нескольких часов в день; сейчас положение улучшилось, но свет всё равно отключают ежедневно. Хлеб, овощи и крупы стоят столько же, сколько в России, если не дороже. Раньше, в советские годы, толпы курортников посещали город; сейчас их стало значительно меньше, и город обеднел.

Я отправился на поиски места, где должен был встретиться с остальными автостопщиками послезавтра. Мы назначили встречу на железнодорожном вокзале, но вот незадача: вокзал в центре города представлял собой развалины, а единственный поезд Тбилиси – Батуми завершал свой путь в семи километрах от центра города, на станции Махинджаури.

Станция Махинджаури представляла собой обычную платформу. Здания вокзала не было. Расспросив народ, я убедился, что это и есть искомое место, куда прибывают единственный поезд и электричка. Следов других автостопщиков ни на старом вокзале, ни здесь не было, и я решил заранее озаботиться ночлегом.

Крутой горный склон, поднимающийся над набережной, был засажен мандариновыми садами. Я сидел на этом склоне и смотрел на заходящее солнце, спускающееся в Чёрное море. Море блестело и совсем не казалось чёрным. Было бы неплохо поставить палатку где-нибудь среди этих деревьев, но, к сожалению, здесь бродили разные личности, в том числе охраняющие сады. Пришлось спуститься и вернуться в сумеречный город, где вскоре меня приютили на ночлег сторожа, охранявшие большое, помпезное здание – судя по архитектуре, какой-нибудь университет или дворец культуры.

Следующий день был посвящён плотским удовольствиям: покупал и разьедал хлеб с мандаринами, а также спал на берегу моря, греясь под лучами февральского солнца. Когда же настал вечер, я направился опять на место нашей встречи, станцию Махинджаури, и поставил палатку на крыше какого-то пустого курортного кафе.

6 февраля, суббота.

Место, где мы должны были встречаться, находилось в двадцати метрах подо мной. Как только рассвело, я собрал отсыревшую палатку и спустился вниз, на станцию, где уже стоял пришедший из Тбилиси утренний поезд.

В назначенный срок, в девять утра, на станции Махинджаури собралось семь человек. Как оказалось, первым в Батуми приехал Миша Кошелев. Он уже несколько дней бродил по городу и скучал. Вторым приехал я, а затем – Саша Казанцев, Андрей Петров, Миша Венедиктов и Паша Марутенков. Чудеса скороходности проявил Костя Шулов: он выехал из Москвы в ночь на 4 февраля, всего двое суток добирался от Москвы до Батуми и прибыл сюда прямо к сегодняшнему утру.

Не было видно Гриши Кубатьяна и Олега Моренкова. Что касается последнего, мы решили, что он, по своему обыкновению, передумал ехать. Эта гипотеза имела своё основание, ибо двое суток назад, когда Шулов второпях покидал Москву, Моренков ещё и не сподвигнулся выехать. Но отсутствие Гриши было подозрительным, и мы решили ещё немного подождать – к тому же другие участники поездки видели его на трассе под Воронежем. Десятый участник экспедиции Вовка Шарлаев и не ожидался нами, ибо собирался поехать в Турцию через Румынию.

Итак, мы рассказывали друг другу случаи и приключения, произошедшие с нами на участке Москва – Батуми, и ждали странно пропавшего Гришу Кубатьяна. Может быть, он передумал ехать? А если просто задержался? Тогда мы должны встретиться в Алеппо.

Пока мы раздумывали, покинуть ли нам сие место или подождать ещё, к нам подошли какие-то правоохранительные сотрудники, желая проверить наши документы. Во многих городах бывшего Советского Союза есть обычай выявлять приезжих на вокзалах и проверять у них документы, так что поначалу нас это не удивило.

– Все на месте? вас семь? а восьмой есть? – спросил один из проверяльщиков. Наверное, кого-то из нас они уже видели. Впрочем, вопрос о восьмом больше никто не поднимал.

Один из сотрудников, оказавшийся начальником уголовного розыска города Батуми, собрал наши паспорта и предложил нам проехать в город для «проверки личности». Как бы специально для нас, около вокзала стоял пустой микроавтобус с водителем. «Это был бы неплохой вариант, – подумал я, – все вместе доедем до города, потом позвоним домой, сообщим, что всё в порядке, затаримся мандаринами и поедем на границу.»

Нас подвели к микроавтобусу, а человек с нашими паспортами сел в легковушку, припаркованную рядом. Это было подозрительно (вдруг он хотел украсть наши паспорта?), и я напросился в машину рядом с ним. Остальные погрузились в микроавтобус, и мы поехали по красивой дороге вдоль моря и мандариновых садов, навстречу такому приключению, какого и не могли ожидать.

* * *

Четырёхэтажное здание Уголовного розыска стоит практически в центре города Батуми. Многочисленные его помещения наполняют разные сотрудники южного вида. Непонятно, чем они занимались до нашего приезда (ведь по словам одного из них, в Аджарии – ноль преступности), но с появлением автостопщиков у каждого из них появилась работа. Нас развели по разным комнатам, расспросили о том, о сём и заставили писать «объяснительные записки» – как, когда, почему и зачем мы приехали в Батуми, чем мы занимаемся, какой у нас род занятий и семейное положение, – под диктовку сотрудников УгРо, на корявом русском языке.

«Семейное обстоятельство моё таковое, что...»

У одного из нас оказалась при себе «Вольная энциклопедия». Как нарочно, первой статьёй Энциклопедии оказалась Абхазия, и книга пошла по рукам, вызывая различные споры и нарекания.

АБХАЗИЯ: небольшая страна на берегу Чёрного моря, – читали они. – Специфика: 1992—93 гг воевала с Грузией, с которой граничит с юга. – Правильно. – В результате стала фактически суверенным государством... – Почему суверенным? Государством?

Сотрудники УГРо стали носить Энциклопедию из кабинета в кабинет (где нам продолжали ещё додиктовывать наши идиотские объяснительные записки) и зачитывать первые строчки оной. Как правило, на первых строчках все угорали, начинали смеяться или спорить, и только начальник УГРо сумел изучить книгу более внимательно.

– Кротов, это ты Кротов? А почему Аджария не написана?

– Потому что мы здесь ещё не были, вот и не описали, – объяснил я. – Теперь вернёмся из путешествия и напишем про Аджарию. В следующем издании.

Заинтересованный начальник УГРо вскоре выдал мне четыре лари (два доллара) с тем, чтобы когда выйдет новое издание Энциклопедии, я прислал ему по адресу УГРо: *г. Батуми, ул. Тельмана, 48, Тенгизу Концелидзе*. Я записал адрес и пообещал выслать книгу. (Так потом и сделал, выслал и одну, и другую книгу, с описанием всех наших злоключений и неприглядной роли самого Тенгиза в них).

Вскоре все объяснительные были дописаны, и мы и наши рюкзаки и паспорта собрались в одной комнате. Это был кабинет того самого начальника УГРо Концелидзе, с большим тяжёлым столом, длиной в полкабинета, с тяжёлыми стульями вокруг него и вдоль стен, с сейфом и городским телефоном. Двум из нас разрешили выйти в город – закупить мандаринов, которые оказались здесь необычно дешёвы. Пятнадцать килограммов этих фруктов обошлись нам в два лари – это 1\$.

Дружелюбные сотрудники УГРо обещали вскоре отправить нас всех на микроавтобусе прямо до турецкой границы. Это был неплохой вариант. Мы ждали, но автобус всё откладывался. Наши попытки уйти самостоятельно приглушались мягко, но настойчиво.

Где-то в обеденное время в кабинет, где находились мы и несколько сотрудников УГРо, вошли два строгих человека в пиджаках, и резко потребовали у нас документы.

Мы лениво (опять!) достали свои загранпаспорта. Один из нас достал, вместо заграничного паспорта, внутренний.

– А где второй? Все давайте вторые! Четырнадцать паспортов должно быть!

Вместо четырнадцати паспортов их оказалось девять. Костя Шулов не стал признаваться в наличии внутреннего паспорта, а у большинства из нас внутренних паспортов и не было при себе. Люди в пиджаках собрали паспорта в стопку, взяли пачку «объяснительных» и направились к выходу. Я последовал за ними на лестницу.

– Куда пошёл?

– Туда, куда вы понесли наши паспорта, – ответил я.

– Вам туда нельзя! – ответил один из «пиджаков», а выскочивший вслед за мной из кабинета сотрудник УГРо затолкал меня обратно в кабинет.

* * *

Сотрудники УГРо угостили нас байками о том, что наши паспорта сейчас проверят и вернут, что сегодня вечером нас отвезут на турецкую границу и т.д.. Мы уже не особо верили этим байкам и ворчали; Костя Шулов, не спавший двое суток, разлёгся спать на мягких стульях кабинета.

Вечером, вспомнив, что автостопщиков байками не кормят, Концелидзе вывел нас на прогулку по сумеречному Батуми – до близлежащего кафе. На наши вопросы – где же паспорта, автобус и вообще? – Тенгиз отвечал уклончиво: что-де там послали запрос, а так как сегодня не успели ответить на него, завтра, мол, ответ придёт, и вас отпустят. В качестве моральной компенсации мы получили перекус в кафе за счёт начальника и вписку в его кабинете. Он же пытался угостить нас водкой, но так как мы дружно отказались, угостился ею сам.

Пужинав, мы вернулись в кабинет начальника УгРо, в котором нам предстояло провести ночь. Перед сном выпивший начальник предложил нам сыграть в шахматы, обещая выигравшему паспорт, свободу и 50\$. Миша Венедиктов вызвался играть и выиграл 2:1, но проигравший слово своё не сдержал, отмазываясь тем, что ни нашими паспортами, ни деньгами он ныне не обладает. Опасаясь проиграть ещё чего-нибудь, Концелидзе пошёл домой, а мы остались ночевать в его кабинете.

7 февраля, воскресенье.

Настало утро. Мы проснулись и взялись за мандарины, засоряя кабинет начальника шкурками от оных. В десять часов утра начался рабочий день, и уголовные сотрудники, заглядывая в кабинет своего начальника, только дивились и тут же закрывали дверь, чтобы никто другой не увидел царящего в кабинете беспорядка. Натюрморт был замечательный: спальники, коврики, автостопщики, примус и корки от десяти килограммов мандаринов, тяжёлые стулья, перестроенные в кровати. Начальник пока не видел этого.

Телефонный звонок. Я снимаю трубку и здороваюсь по-грузински:

– Гамарджоба!

– Гамарджоба! Бур-бур-бур, – бормочет трубка по-грузински.

– Извините, Концелидзе напился и проспал, поэтому подойти к телефону не может, – по-русски объясняю я. Немое удивление в трубке.

Мы звонили по 09, по 02, в прокуратуру и т.п., но так и не могли выйти на странных людей в пиджаках, которые забрали наши паспорта. Как правило, нас пускали по кругу, по одному телефону давали другой и т.д., в результате нам дали телефон того самого кабинета Тенгиза, где мы сейчас находились.

А попытки дозвониться до Москвы не были успешными – к сожалению, телефон работал только внутри города.

Однако, бдительность сотрудников УгРо республики Аджарии была на низком уровне. В это утро никто не присматривал за нами, а на первом этаже охранник вполне удовлетворился моим объяснением, что я пошёл за хлебом. Отойдя подальше, я нашёл переговорный пункт и позвонил в Москву, родителям, известив их о следующем: нас семеро прибыло в Батуми, всех нас вчера задержали менты, прошу пока не беспокоиться. Сообщив о ситуации, я купил лаваш и, как ни в чём ни бывало, вернулся в кабинет начальника. Несмотря на слабую бдительность охранников, смыться и продолжить наше путешествие мы не могли, ибо не имели паспортов.

Телефонный звонок. Я снимаю трубку.

– Гамарджоба, бур-бур-бур, – бормочет трубка.

– Гамарджоба, кабинет ментов слушает, – отвечаю я, – ментов нет на месте, все играют в шахматы!

Удивление в трубке.

Кто-то из сотрудников УгРо оставил в кабинете свою рацию. Интересно, как она работает на передачу? Наверное, надо нажать эту кнопку? или другую?

– Внимание всем! В городе Батуми, на улице Тельмана, 48, задержаны семеро русских путешественников. Вчера утром у них отобрал паспорта Тенгиз Концелидзе. Просьба ко всем сотрудникам отыскать эти паспорта и вернуть немедленно по адресу: улица Тельмана, 48, второй этаж.

Я повторил четыре варианта этой речи при разных нажатых кнопках. Никакого эффекта не последовало, паспортов никто не принёс. Однако, вскоре начался переполох в коридоре; распахнулась дверь, в кабинет вскочил порозовевший Концелидзе (он всё-таки проснулся) и громко возмутился:

– Кто пользовался рацией??

Рацию у нас отобрали, а вскоре нас со всеми рюкзаками перевели на третий этаж, в большой актовый зал с паркетным полом и тяжёлыми, пыльными шторами. В зале было пять окон (из которых три – без стёкол), деревянная кафедра для чтения речей, герб (не то Грузии, не то Аджарии) на стене и рояль.

Мы не хотели заселяться в продуваемый ветрами актовый зал, но желание сотрудников было так велико, что они тотчас начали «застеклять» окна полиэтиленом, и нам пришлось подчиниться.

В этом актовом зале мы и провели весь воскресный день. За нами следили более бдительно, чем утром – приставили охранника. Нам с Мишей Венедиктовым разрешили (под конвоем) сходить на базар, где, после непродолжительного торга, мы приобрели целый ящик мандаринов (не менее двадцати килограммов!) за два с половиной лари (чуть больше одного доллара). Купили и хлеба, а затем вернулись в зал, где поеданием мандаринов и скрашивали день заточения.

8 февраля, понедельник.

В десять утра у уголовных сотрудников города Батуми начинается рабочий день.

В 10.15 утра я отпросился из актового зала в туалет, но, вместо него, подошёл к дверям известного нам кабинета. Оттуда доносилась непонятная грузинская речь. Открыл дверь – там уже не было такого хаоса, как вчера; ни одной мандариновой шкурки! На главном кресле сидел столь уже надоевший нам Тенгиз Концелидзе, а по обеим сторонам длинного стола и вдоль стен на стульях – человек двадцать сотрудников УгРо. Многие лица уже знакомые: вот те, кто диктовал нам идиотские объяснительные записки, вот наши охранники... Совещание.

На скрип двери все разом обернулись и замолчали.

– У меня – один вопрос. Когда – отдадут – наши паспорта?

– ...Ваши паспорта отвезли в Тбилиси в министерство. Сейчас уже едут обратно. Сегодня вечером отдадут.

– Кто – фамилия-имя-отчество – приказал нас держать?

– Вот отдадим паспорта, и скажем.

* * *

Объевшись мандаринами, мы решили объявить голодовку с полудня сегодняшнего дня, требуя возврата паспортов. Мы написали заявление на имя Тенгиза Концелидзе, доели мандарины, написали на пенке-коврике большими буквами «ГОЛОДОВКА» и вылезли из актового зала на лестничную площадку. Мы разумно полагали, что, пока мы скрыты от взоров сотрудников УгРо в актовом зале, нас как бы и нет; но когда мы будем мешаться им под ногами, они будут вынуждены чаще вспоминать о нас.

Вертухай, охраняющий нас, тоже был вынужден встать на лестничной площадке, создавая дополнительную пробку.

– Голодовка! Семеро российских граждан задержаны в Батуми! Третий день не отдают паспорта!...

Больше всех кипятился Шулов:

– Это нарушение прав человека! Мы будем жаловаться в ООН! Вы, именно вы лично, ответите за то, что выполняете незаконный приказ!

Марутенков был внешне спокоен и читал в журнале «Гео» большую статью про Египет. Остальные вели себя промежуточным образом.

К сожалению, на лестнице было темновато (электричество в Батуми то и дело выключали). Люди, поднимавшиеся по своим делам в здание УГРо, шарили в полупотёмках, и, протискиваясь между нами, сидящими и лежащими на лестнице, чертыхались по-грузински.

Ближе к вечеру 8 февраля в здании УГРо чрезвычайное происшествие – исчез один из задержанных. Пропавшим без вести оказался Саша Казанцев. Все встали на уши. Тенгиз вызвал меня в кабинет.

– Куда заслал седьмого?

– Не знаю, – отвечал я, сам про себя недоумевая, куда и зачем мог пропасть Казанцев.

– Отвечай, ты начальник группы, отвечай, куда делся седьмой?

– Отвечайте, вы начальник УГРо, куда делись наши паспорта? Отвечайте, сколь долго, по грузинским законам, можно задерживать людей без ордера на арест, для проверки личности? Отвечайте, кто приказал нас задерживать?

Благодаря оперативно проведённым розыскным мероприятиям, загадочно пропавший Казанцев был найден в городе и возвращён обратно. Бежать насовсем он и не собирался, а хотел просто сообщить на родину о наших злоключениях. Однако, бдительность властей помешала ему это сделать.

Вечером нам принудительно помогли вернуться в актовЫй зал. Уже три охранника следили за нами. В туалет, находящийся во внутреннем дворе, нас водил один из них. Часов в девять вечера, несмотря на такие меры предосторожности – новый аврал! Пропал Андрей Петров.

Дело в том, что мы уже улеглись в спальниках на полу актового зала, и Андрей оказался удачно скрыт от охраны за другим лежащим. Кому-то из охранников показалось, что нас меньше, чем надо. Начались поиски нас по всему зданию, а может быть, и по городу.

– Где седьмой?!!

– Не знаем. Никуда он не уходил.

– Как не знаете?!!

Мы едва сдерживали смех. Наконец, кто-то из охранников (не тот, кто обнаружил пропажу, а другой) тщательно пересчитал нас. О, счастье! Семь! Все на месте! Но это было ещё не всё. Третий охранник возомнил, что нас должно быть восемь – стало быть, одного всё равно не хватает.

Все трое глупых охранников, хорошо считающие и плохо считающие, начали ругаться друг на друга грузинскими словами, а мы удивлялись.

Ночью, когда все охранники переругались, и каждый из них убедился, что несёт службу рядом с идиотами, бдительность их опять утратилась. Кто-то из них ушёл спать в коридор, и мы остались в актовом зале одни. Костя Шулов, одев вместо жёлтого комбеза брезентовый тулуп Миши Кошелева, отправился в полуночной тьме в туалет, находящийся во внутреннем дворе. Никто не последовал за ним.

Как уже было нам известно, туалет, расположенный во внутреннем дворе здания, скрытым образом сообщался с внешним миром. И вот Костя осуществил тайный манёвр. Он выбрался в город и позвонил в Петербург. И уже этой ночью все люди в Питере и Москве знали, что мы до сих пор находимся в заточении, что надо срочно обращаться в посольство, к журналистам и в ООН.

Пока Костя звонил, в его спальнике тихо дремал муляж, изготовленный из одежды. Ночью в тёмный актовЫй зал (электричество в городе опять отключили) заходили подозрительные проснувшиеся охранники и светили фонариком. Ещё немного поспорив о том, сколько нас – шесть, семь или восемь, – они отправились спать. И снился им счастливый день, когда... когда... ну, наверное, когда в Батуми не будут выключать электричество на ночь.

9 февраля, вторник.

Сегодня утром исполнилось ровно трое суток с момента нашего задержания. Судьба наша была нам непонятна. Концелидзе старался пореже показываться нам на глаза, и за отсутствием начальника мы препирались с охраной.

Многое было странным в нашем заключении. Мы были как бы заключёнными, а как бы и нет. Наши вещи и карманы не досматривали. Ничего у нас не конфисковывали. Никого не били, хотя, конечно, силовые методы применяли иногда. Ордера на арест не существовало, и мы сидели не в камере, а в актовом зале. Никакого обвинения нам не предъявляли.

Срок нашего освобождения был неведом. Нам всё время врили, говорили: сегодня вечером, завтра утром, послали запрос, идёт ответ, и т. п. Сколько времени мы должны были провести здесь? Неделю? Месяц? Всю жизнь?

Поскольку нам, на положении «пожизненных заключённых», отступить было некуда, мы начали открывать окна, кричать на всю улицу и бросать на улицу записки с просьбой позвонить в Москву и сообщить о нашей судьбе. По тротуару бродил какой-то странный человек, вероятно сотрудник УгРо, и время от времени подбирал записки. Но иногда, как нам казалось, они попадали в руки и честным гражданам; кое-кто из них всё-таки позвонил моим родителям в Москву, спасибо!

Схема разбрасывания наших записок из здания Уголовного Розыска города Батуми

Охранники пытались оттащить нас от окон, но нас было семеро, а количество сотрудников УгРо, занятых нашей круглосуточной охраной, было всё-таки ограничено. К вечеру нас навестил какой-то местный полуначальник, попросил прекратить хулиганить и пообещал, что к 18.00 наш вопрос решится.

– Вы все всегда врётё! – отвечал бойкий Шулов и пригрозил ещё раз пожаловаться в ООН.

– Я вас никогда не обманывал, – ответил толстый полуначальник.

– Да, конкретно вас мы пока не уличали в обмане, – отвечал Шулов, – но это нас ни в чём не убеждает!

Около восьми вечера нам явился опять этот же полуначальник и сказал, что наш вопрос решился, и нас повезут сейчас на встречу с министром и с российским представителем. Микроавтобус уже выехал, собирайтесь. Мы стали собираться, ещё до конца не веря в то, что нас действительно отпустят.

Подъехали два микроавтобуса (не те ли, что должны были нас довести до турецкой границы три дня назад?). В 20.40 мы погрузились в них и долго ехали по вечернему Батуми. Я подумал, что, наверное, сейчас нас вывезут за город, раздадут паспорта и скажут: валите, чтобы вас тут не было...

Микроавтобусы подъехали к некоему дому. Мы выгрузились около крыльца. На дверях было написано: «5-е отделение милиции: вырезвительное».

– Сейчас приедет российский представитель. Подождите! – с этими словами нас ввели в двери. Тут же сотрудники УгРо, одетые в гражданское, исчезли. Мы оказались в «фойе» обычной милиции; за столом сидел майор лет пятидесяти. Были и прочие милиционеры рангом поменьше.

Никаких российских представителей никто, разумеется, не ожидал. Милиционеры равнодушно глядели на нас. Майор просто сообщил, что ему поручили свыше нас охранять; причины и сроки нашего задержания ему были неизвестны. Открыли решётчатую дверь, ведущую в узкий коридор; по этому коридору мы с рюкзаками и были переведены в одну из камер.

Камера была свободна – специально для нас. Величиной 3х4 метра, сырая, выкрашенная в зелёный масляный цвет, она включала одну кровать в виде квадрата 2х2 метра, решётку под потолком и голую лампочку.

– Располагайтесь. Это камера отдых, – пояснил майор.

Мы возбуждённо высказали кучу естественных вопросов. Майор во второй раз монотонно повторил, что ему поручено держать нас, а кто приказал – он не имеет права говорить. Наша сущность и преступления, совершённые нами, были ему неизвестны.

– Скажите нам своё фамилия-имя-отчество! – предложили мы.

– Не знаю. После скажу, – ответил майор и удалился, скрипнув железной дверью.

Охранники вырезвителя отнеслись к нам спокойно-безразлично. Дверь нашей камеры выходила в общий коридор и обычно не была заперта. В соседней камере сидели местные люди, все задержанные, как они говорили, «ни за что». Камеры то закрывали, то забывали закрыть, и мы могли выходить в коридор, оканчивающийся удивительно грязным и мокрым туалетом. Один из толчков этого туалета был полон в точности до краёв, да и другие не сияли чистотой. Холодная вода из крана текла по полу и хлюпала под ногами, а по причине голодовки нам было дополнительно холодно. С другой стороны коридор оканчивался решётчатой дверью, за которой сидел охранник и следил, чтобы заключённые не заходили друг к другу в камеры.

Наши вещи остались при нас, и мы, удивляясь неожиданному повороту событий, улеглись спать всемером на большой, холодной лежанке.

10 февраля, среда.

Сегодня – четверо суток нашего задержания и двое суток голодовки.

Воздействовать на общество так, как в здании УгРо, тут уже нельзя. В окно не покричишь – оно крошечное, заделано решёткой и выходит в зарешеченный дворик для прогулок. По рации не поговоришь, по телефону не позвонишь. Колотить в дверь – совсем глупо, здесь, наверное, все колотят в двери, пока вырезвлиются. Остаётся ждать.

В камере. Слева направо: Костя Шулов, Антон Кротов, Саша Казанцев, неизвестный грузин, и Миша Кошелев

Миша Кошелев – первый, утративший оптимизм. Целый день, ослабев, лежит в спальнике и пытается спать. Всего два дня голодовки, да в такой хорошей компании – и вот что-то ему невесело.

Марутенков – противоположность ему. Бодрый, всё время делает свои дыхательные и рукомахательные упражнения, которые я называю «лысая гимнастика». Он говорит, что не надо было хулиганить в здании УГРО, а нужно было спокойно себя вести с самого начала. Тогда и они были бы расслабленнее и помягче. Мы могли бы ходить в город, на базар, звонить и т. п. – считает он.

Костя Шулов, как всегда, активно призывает все грома небесные, телевизионщиков, журналистов, дипломатов, ООНовцев и питерских коллег-автостопщиков на головы врагам. Он считает, что надо было сразу, в первые сутки задержания, звонить в Россию и требовать устроить переполох. Тогда мы, возможно, были бы уже на свободе, – считает он.

Андрей Петров спокойно воспринимает происходящее. Казанцев мечтает прекратить голодовку, сказавшись язвенником или ещё каким инвалидом. Народ развлекается журналом для компьютерщиков – в нём большая статья Казанцева о путешествии в Америку. Статья снабжена большим набором фотографий нашего друга на фоне всех американских достопримечательностей.

Миша Венедиктов спит. Что-то он, кажется, готов утратить самоходные свойства. Наверное, ему снится еда.

Интересно, где же пропавший Гриша Кубатьян? Ведь ещё в момент нашего задержания один из сотрудников спросил: а где восьмой? Ведь никто из нас не сообщал им до того, что нас восемь. Может быть, они его тоже арестовали и держат в другом месте? Но все, от Концелидзе до теперешнего майора, делают вид «ничего не знаю».

Днём нас водили на десятиминутную прогулку в тюремный дворик, огороженный решётками (наружу не пролезть), заплёванный, закиданный окурками. Эх!

День идёт к вечеру. Давали чай без сахара, а от тюремной еды мы отказались. Коллега, сидящий в соседней камере, заходил к нам по секрету – пообщаться. Его обещали выпустить через несколько дней. Передаём ему записки на волю.

11 февраля, четверг.

Спали. Ходили на прогулку в тюремный дворик. Вновь читали пашин экземпляр журнала «Гео» с обширной статьёй про Египет, а также книгу «Практика вольных путешествий».

Опять спали. Вспоминали, кто, когда и как начал путешествовать автостопом. В камере сыро и холодно. Всё без изменений.

12 февраля, пятница.

Сегодня утром миновало шесть суток с момента нашего заточения.

Начались седьмые сутки. В начале седьмых суток дверь нашей камеры со скрипом открылась. Вошёл майор (тот самый, который не знал своего фамилия-имя-отчества):

– Ну что, ребята. Сегодня приехали два ваших представителя из России. Наверное, вас скоро отпустят.

– А что за представители? – удивились мы.

– Спонсоры, или как там они, которые вас направили, – объяснил майор. – Один, вон, на него похож, с бородой. А другой без бороды. Так что, если хотите, можете начинать кушать.

Мы решили не бросать голодовку, пока нас не отпустят; но сообщение майора нас весьма взволновало.

– Это Фил! – кричал возбуждённый Шулов. – А второй кто?

Мы размышляли об этом интересном событии.

В этот день нам разрешили гулять сколько влезет (в тюремном дворе, разумеется). Некоторые из нас с радостью воспользовались этой возможностью. Паша, делая свою гимнастику, энергично размахивал руками. Мы смеялись: это он воображает, что избивает Концелидзе: вот так тебе! и вот так! Только оба Миши (Кошелев и Венедиктов) не радовались долгой прогулке, а лежали в камере, экономя исчезающие силы организма.

Охранники вытрезвителя радовались за нас и говорили, что теперь нас точно отпустят.

Гуляли мы очень долго. Потом, вернувшись в камеру, уже почти видели свободу через тюремные стены. И свершилось: примерно в пять часов вечера дверь камеры открылась, и улыбающийся охранник известил нас:

– Ребята, амнистия!

Мы собрали рюкзаки. У ворот вытрезвителя стоял микроавтобус. Вероятно, именно он должен был нас отвезти на турецкую границу шесть с половиной дней назад. Или три дня назад – на встречу с «министром» и «российским представителем». Куда он повезёт нас в сей раз?

Микроавтобус провёз нас по вечернему городу... Вот она – выездная табличка Батуми. Да, это дорога на юг, в сторону турецкой границы! Но где же, интересно, наши паспорта?

Километрах в тринадцати южнее Батуми микроавтобус остановился около большого придорожного ресторана. Какая неожиданная встреча! Вот они, наши «спонсоры» – Фил Леонтьев и Энди Герасимов, вот и живой-здоровый-сытый Гриша Кубатьян, вот и какие-то важные люди в пиджаках – только Тенгиза Концелидзе нигде не было видно. Ресторанчики живо накрывали стол. В торжественной обстановке мы получили свои долгожданные паспорта и сели ужинать.

Постепенно нам начала приоткрываться тайна явлений.

* * *

Наш питерский друг Гриша Кубатьян прибыл в Батуми ещё раньше нас. Путешествие его было благополучным. Никого из прочих стопщиков по трассе он не встретил, зато получил от одного из водителей вписку в этом самом городе Батуми. Приехав сюда ночью, Гриша сразу отправился на ночлег, пользуясь нарисованной тем водителем схемой.

За пару дней до того в Батуми было, якобы, произведено очередное покушение на президента Аджарии Аслана Абашидзе. Немудрено, что стражи порядка проявляли повышенную бдительность, и когда в три часа ночи мимо президентского дворца проходил подозрительный человек с армянской фамилией, объёмистым рюкзаком и «картой секретного объекта», они

решили его арестовать. При допросе обнаружилось, да Гриша и не скрывал, что бригада остальных «сообщников» прибывает в Батуми вскоре, и повидать их можно будет наутро в условленном месте.

Гришу держали в здании КГБ отдельно от нас, и подробностей о нашем заточении он не знал. Зато их прознали в Питере и в Москве. За пару дней, истекших с момента аварийного звонка Кости Шулова, родители Кости и мои подняли переполох среди журналистов, посольщиков и самих батумских ментов. О нашей судьбе сообщили по радио (правда, назвав нас велосипедистами), по телевизору, о нас беспокоились представители России в Тбилиси и представители Тбилиси в России. Более того, главный редактор газеты «Вольный ветер» С. Минделевич попросил помочь нам Сергея Шпилько, председателя госкомитета по физической культуре и туризму, а тот сообщил о нас своему другу, министру туризма Грузии. Наше задержание имело всё больший резонанс. А тут, в довершение всего, представители команды «Ультра-автостоп», приезжают в Аджарию в жёлтых автостопных комбинезонах и пугают всех своим видом. Плюс наша голодовка. Все эти факторы суммарно и привели, в результате, к нашему освобождению.

На банкете, устроенном батумскими властями в честь нашего освобождения, присутствовал зам. министра КГБ и прочие высокопоставленные личности. Обилием пищи они старались исправить свой имидж тюремщиков. На пищу мы особо не налегали (это могло быть вредно на пятый день голодовки), но с радостью воспользовались предложением позвонить родным по сотовому телефону. Как выяснилось позже, это было требование моих родителей, которым Концелидзе звонил с извинениями. У самих нас сотовых телефонов ещё не было, ведь не забывайте – 1999 год на дворе.

Тут Саша Казанцев проявил свой нетривиальный экономический подход к жизни. Дело в том, что он взял с собой в путь зарядное устройство для батареек, которое добыл ещё во время своего другого путешествия, в США. В камере у него это устройство одолжили жильцы соседней камеры, от коих оно перешло к охранникам. Вернуть пропажу не удалось, так как смена охраны вскоре сменилась, а новые вертухаи не ведали об устройстве. Саша Казанцев отнёс сию утрату на счёт батумских властей и вытребовал у зам. министра КГБ тридцать долларов в качестве компенсации.

По окончании банкета мы расстались с нашими «спонсорами» и тюремщиками и, погруженные в тот же самый микроавтобус, отправились на границу – уже с паспортами. Аджарские начальники торжественно передали нас с рук на руки турецким таможенникам, и мы, заплатив по десять долларов за турецкую визу, около полуночи оказались, наконец-то, в Турции.

Автостопом по Турции

13 февраля, суббота.

Свежий морской воздух, паспорт в кармане, еда в желудке – что ещё нужно для счастья?

Все, как один, решили ночью не спать, а ехать. Мы разделились на пары и разделили еду, недоупотреблённую в ресторане, между собой. Костя Шулов поехал с Мишей Венедиктовым, Миша Кошелев с Пашей Марутенковым, Гриша Кубатьян с Сашей Казанцевым, Андрей Петров – со мной. Так как машин не было видно, мы разбрелись по дороге и направились пешком, с разной скоростью, в сторону первого турецкого города Хопа.

Когда-то, вероятно, дороги вдоль берега здесь не было, и машины срезали уголок Чёрного моря, переплывая из Батуми в Турцию и обратно на пароме. Сейчас переход работал, но дорога не сияла новизной, а была почему-то гораздо хуже, чем с советской стороны (наверное, она была в стадии ремонта). Мы шли впотьмах, удивляясь на дорогу и вспоминая батумские приключения. Море шумело совсем близко; в нём бледно отражались огни далёких деревень и звёзд.

Мы с Андреем прошли, возможно, уже половину расстояния от границы до Хопы, как нас нагнал грузовичок. В кузове одного уже ехали все шестеро прочих стопщиков! Запрыгнули в кузов и вскоре приехали в Хопу.

С Хопы началась нормальная, цивилизованная Турция. Огни ночных реклам, магазинов и бензоколонок, хорошие дороги, широкие улицы, цивильные многоэтажные дома. Вскоре наш водитель остановился и выпустил нас. Мы пошли пешком по ночному, пустому, светящемуся городу.

Вскоре ещё один грузовик взял нас в кузов – на этот раз шестерых. Двое (Шулов и Венедиктов) как-то отстали. Грузовик шёл весьма далеко. Мы сначала смотрели на дорогу, но потом сон сморил нас, и мы улеглись спать в кузове. Счастливый город Батуми удалялся от нас со скоростью километр в минуту. Незаметно проехали Трабзон, Самсун, и на рассвете вылезли из кузова, зевая, в городе Унье, в пятистах километрах от батумской камеры, в которой мы пребывали ещё полсуток назад.

Мы собирались проскочить Турцию как можно скорее, и вот почему. Как всем уже известно, девятый участник экспедиции, Владимир Шарлаев, ехал на юг с другой стороны Чёрного моря – через Молдавию, Румынию, Болгарию, Стамбул. Избегнув батумского заключения, он должен был ожидать нас уже сегодня напротив российского посольства в Алеппо (Сирия). Вот будет его удивление, когда никто не явится на встречу – ведь ещё никогда в истории у нас не было такого массового неприхода! Надеемся, он позвонит в Россию и узнает о причинах нашей задержки.

Кроме желания воссоединиться с Шарлаевым, мы испытывали простой дефицит времени. Четверо из нас – Костя Шулов, Гриша Кубатьян, Саша Казанцев и Миша Венедиктов, – являлись студентами и мечтали попасть домой к определённым срокам. Визы тоже имели ограниченный срок годности, а кто знает, какие задержки могут ждать нас ещё впереди. Поэтому решили особо не разглядывать Турцию, а спешить в сирийский Алеппо, где мы договорились встретиться пятнадцатого и шестнадцатого февраля у ворот российского консульства.

Как и Россия, Турция соединяет два континента – Европейский и Азиатский, причём, как и у нас, большая часть страны находится в азиатской части. Турция, как и Россия, вытянута с запада на восток, и все основные дороги и коммуникации проходят, в основном, именно в этом направлении. Сейчас же нам предстояло проехать эту страну, наоборот, сверху вниз. Мы попрощались с Чёрным морем и, разделившись опять на три двойки, выбрались на горную дорогу Унье – Токат.

Как вы помните, первая машина в Турции везла нас восьмерых, а вторая – шестерых. В продолжение этой прогрессии нас, на сей раз четверых, подобрала машинка, полная народа, чая и каких-то кувшинов, едущих километров на пятьдесят – в посёлок Аккус. Дорога, поднимаясь в горы, ухудшилась примерно до российского качества, внутри машинки стало пыльно и тряско. В Аккусе мы окончательно разделились на пары. Последующие двое суток, до самой Сирии, я автостопил в паре с Андреем Петровым, других спутников не встречая.

Дорога шла через горы. Иногда она поднималась выше, и мы ехали среди заснеженного леса – как будто у нас на Урале. Затем дорога спускалась в долины, где снега не было, вероятно, всю зиму, где зеленели поля и светило жаркое весеннее солнце. Турецкие деревни попадались то там, то сям: каменные одноэтажные домики, крытые глиняной черепицей или шифером, поля и сады деревьев, сбросивших на зиму листву. Маленькие городки двух-трёх-пятиэтажных домов с маленькими типовыми мечетями. Статуи, портреты и бюсты местного ленинозамениителя – Ататюрка. Поскольку он провозгласил Турецкую республику ровно 75 лет назад, в честь юбилея повсюду виднелись плакаты и лозунги, напоминавшие по виду наши советские. Только вместо серпа и звезды коммунистических там были серпы и звёзды мусульманские, на всё том же ностальгически-красном фоне.

В предобеденное время мы с Андреем прибыли в город, областной центр Токат. Решили обменять деньги, хотя бы три доллара, чтобы купить еды и позвонить. Обменных пунктов не было видно, и мы совершили обмен в магазине. В Турции уже много лет не прекращается инфляция, и доллар уже стоил более 350 тысяч турецких лир. В одночасье стали миллионерами. Купили батонов, апельсинов и пристроились пить чай в какую-то харчевню, совмещённую с магазином.

Слухи о турецкой дешёвизне, порождённые нашим российским докризисным мышлением, не подтвердились. Августовский кризис 1998 года в России привёл к тому, что доллар, а вместе с ним и все остальные валюты и товары в мире стали для нас значительно дороже. Соответственно, для приезжающих в Россию иностранцев рубль и все товары в России кажутся значительно дешевле, чем было ранее. Так что в феврале 1999 года по ценам на хлеб, овощи и фрукты «дешёвая» Турция ненамного отставала от России, а кое в чём даже заметно опережала её. Позвонить из Токата не удалось, и мы с Андреем отправились в дальнейший путь.

Во второй половине дня мы достигли очередного областного центра, именуемого Сивас, который оказался скучным промышленным городишком. А вот следующий город – Кайсери – удивил нас своей величиной. Мы прибыли туда уже в вечернее время. По окраине города проходило шоссе шириной с Ленинградский проспект, по которому двигались тысячи машин. Решили не задерживаться в городе, приготовить чай и продолжить путь. На наше счастье, рядом с трассой находился базарчик; последние вечерние продавцы уже сворачивали свой товар; но у них мы узрели большой чайник. Попросили чая. Турки вообще пьют чай из маленьких, 50-граммовых стаканчиков, поэтому они весьма удивились на нашу литровую кружку. Поблагодарили за чай и уселись пить его, но – о ужас! это оказался сверх-крутой чифирь! Чтобы подавить вкус, мы засыпали в кружку немало сахара, но это не помогло. Но выливать угощение было неудобно, и мы выпили кружку. Затем, медленно, чтобы не расплескаться, мы доползли до заправки и там, в туалете, запили чай обильным количеством холодной воды, а затем продолжили путь.

Миновав Кайсери, мы доехали до следующего города с интересным названием NIGDE (читается «Ниде»). Было около часа ночи. Трасса огибала город, что было очень кстати. Отошли от дороги подальше, разложили коврики и спальники, легли и укрылись тентом.

14 февраля, воскресенье.

Ночью дул сильный ветер, похолодало, и я залез к Андрею в его двухместный пуховый спальник, так как мой синтепоновый, рассчитанный на Африку, от такой погоды не спасал.

Утром мы проснулись и обнаружили, что лежим на каком-то пустыре, недалеко от дороги и поворота на Nigde. Быстро собрались и продолжили путь на юг.

Ниде было последним холодным пунктом нашего маршрута. Сразу после него дорога, ведущая на юг, пошла спускаться вниз, с гор. Вскоре трасса, и без того неплохая, приобрела ширину Московской кольцевой автодороги – начался автобан с четырьмя полосами движения в каждую сторону и огромными развязками. За пользование автобаном водители платили небольшую денежку.

Турецкая дорожная аккуратность видна была здесь повсюду. Например, дорожные знаки. Там, где велись дорожные работы, и у нас прикреплен стереотипный трафаретный человечек, копающий трафаретное что-то – у турков этот человечек на дорожном знаке всегда любовно вырисован, и даже рукава у него засучены. Знак «осторожно, дети» тоже тщательно прорисован, у бедных детей даже волосы развеваются на бегу (и у них большие носы). Так и все дорожные знаки.

Турки дружелюбно относятся к автостопщикам, и стоять в ожидании машины приходится совсем недолго. Однако наше общение с водителями было не очень эффективно, так как мы не знали турецкого языка, а они – никакого другого. Единственным водителем, проявившим знание английского, оказался сириец на своей маленькой легковушке, подобравший нас в районе Аданы. Сириец оказался не просто разговорчивым, но ещё и деньгопросом. До последнего турецкого города, Антакии, он согласился подвезти нас даром, а дальше – только за деньги. Поняв, что в курортной Антакии он хочет подобрать платного пассажира, мы покинули его и решили поближе рассмотреть город.

Сейчас, в середине февраля, здесь уже было по-летнему тепло, посему город был полон теплолюбивых туристов из разных стран цивилизованного мира. Местные жители проявляли приставучесть, предлагая нам ресторан, «хотель» и другие бесполезные вещи. Мне хотелось позвонить родителям – сообщить, что все живы и всё в порядке, и мы с трудом отыскивали среди хотелей и забегаловок переговорный пункт. Звонящих было много, но как пользоваться телефоном, я не постиг, а телефонисты не знали английского языка. Правда, как только я вслух и по-русски высказал всё своё презрение к турецким телефонам, среди звонящих обнаружилась грузинка, которая в доступной форме указала мне путь к телефонизму. Позвонив домой, я узнал от своих родителей, что избежавший заточения Вовка Шарлаев знает о нашей судьбе и будет ждать нас ещё сегодня и завтра в условленном месте, у ворот нашего консульства в Алеппо.

Мандарины в Антакии оказались значительно дороже Батумских, но сильно дешевле московских. В то время как мы удалялись от центра города, цены падали, и мы с удовольствием избавлялись от оставшихся у нас турецких лир. Наевшись и нагулявшись до неподвижности, мы осели на одной из автобусных остановок на окраине города, на шоссе, ведущем к сирийской границе.

Пока мы сидели и думали, где бы раздобыть чай и переночевать, к нам подошли два смуглых гражданина. Они заинтересовались нашей сущностью, и, недоумевая, как белый человек может жить на автобусной остановке, позвали нас к себе в гости. Люди оказались курдами, представителями самой крупной в мире нации, не имеющей своего государства.

Курды населяют огромную территорию, включающую восточную часть Турции, северную часть Ирака и Сирии, а также западные провинции Ирана. Общая численность курдов неизвестна, но, вероятно, их 40—50 миллионов. Стремление курдов обзавестись своим государством доставляет головную боль турецким властям. В районах, заселённых преимущественно курдами, сконцентрировано большое количество турецких войск, вводится комендантский час, ограничено передвижение туристов и автостопщиков. Однако сии два курда, пригласившие нас в гости (вопреки опасениям официальной Анкары), вовсе не мечтали взять нас в заложники, а были вполне нормальными, восточно-гостеприимными людьми.

Мы перешли улицу, сели на микроавтобус (хозяева великодушно заплатили за нас) и вернулись в городской центр. Темнело. В квартале схожих бетонных домов нашли нужный, поднялись по узкой, крутой лестнице на второй этаж и попали в обыкновенную турецкую квартиру.

Мебели было немного, больше ковров и детей. На единственный диван посадили нас. Наше внимание привлёк известный прибор для приготовления чая, стоящий в шкафу. Хозяева, как и мы, именовали сей прибор «samovar», а вот надписи на нём были арабскими.

Поскольку мы не знали турецкого языка, рассказывать о себе пришлось жестами и картинками. Вскоре принесли чай и еду; ели все вместе, постелив скатерть на полу. Чай пили маленькими рюмочками. Один из детей принёс свой школьный учебник, на первой странице которого красовался портрет Ататюрка – ну точно как у нас Ленин.

– Ататюрк! – показал школьник.

– Турция – Ататюрк, Иран – Имам Хомейни, только вот с такой бородой, – отвечал я.

Мы подарили открытки с Москвой и пару металлических монеток в качестве сувениров. Поскольку у хозяев в доме не было свободного места, на ночь нас отвели в гостиницу, оказавшуюся неподалёку. Второй раз в жизни я оказался в зарубежном «хотеле». Первый раз это случилось полтора года назад, в Иране, когда я в первый раз в жизни выехал в дальнее зарубежье. Тогда, тёплым звёздным вечером, в маленьком и весьма удивительном для меня городке Маранде на меня, не желавшего расплачиваться с водителем, собралась посмотреть целая толпа. К счастью, один из людей оказался англоговорящим и отвёл меня сперва в харчевню, а затем и в гостиницу, где (тоже на втором этаже) я и заночевал. На этот раз история повторилась.

Сия турецкая гостиница находилась вдали от оживлённых улиц и была относительно дешева. Сыграло свою роль и то, что устраивали нас местные жители (которые, разумеется, представляли себе реальные, а не завышенные для интуриста цены). За нас было заплачено два миллиона турецких лир, и мы, поблагодарив и попрощавшись с курдами, поселились вдвоём в пустом четырёхместном номере.

На нашем этаже находился туалет, а внизу ещё и душ, и мы провели вечер, занимаясь помывкой, стиркой и просушкой отсыревших вещей. Весь номер завесили своими вещами – к счастью, других постояльцев не было. Завели будильник и блаженно завалились спать.

15 февраля, понедельник.

Рано утром мы проснулись, собрали все просыхающие вещи, которыми завалили номер, и выписались из гостиницы. Было около шести утра, город был ещё безлюден, только ветер перегонял по улицам обрывки старых шуршащих газет и полиэтиленовые пакеты.

Мы шли по утренней Антакии в направлении сирийской границы. Мимо нас проезжали редкие машины и частые микроавтобусики, полные людей. Мы ещё не привыкли к тому, что в юго-восточных странах можно ездить бесплатно практически на любом транспорте, и сперва избегали их. Однако, вскоре одна из «маршруток» подобрала нас, не смущаясь нашим предупреждением «Отостоп, парасыз (бесплатно)», и мы проехали километров двадцать. В утреннем тумане проплывали за окном зеленеющие поля и многочисленные деревни. Нас высадили на каком-то повороте, откуда мы застопили новую маршрутку, следующую в последний приграничный посёлок Рейханли.

Восемь километров от поворота на Рейханли до границы мы хотели пройти пешком, но сие не удалось: водитель большого красивого грузовика угадал нашу сущность, и на его машине мы преодолели последние километры турецкой территории.

Вот и граница. Турки быстро поставили нам аккуратные штампики, подтверждающие выезд из их страны, и мы покинули Турцию.

* * *

Турецкий город Антакия, в котором мы сегодня ночевали, уже давно является предметом территориального спора. Сирийцы считают Антакию и её окрестности своей исторической территорией. Однако история вопроса весьма запутана, и с тем же правом на Антакию может претендовать Италия: ведь это и есть древняя Антиохия, один из известных городов Римской империи. В общем, чтобы турки и сирийцы не подрались между собой, – между турецкой и сирийской таможенной находится не меньше полутора километров как бы нейтральной земли, населённой лишь турецкими солдатами и плакатами «Фотографировать запрещено». Слева от дороги мы увидели развалины какой-то крепости, но это оказалась вовсе не сирийская таможня, а, вероятно, турецкая наблюдательная база.

В конце концов мы добрались и до сирийской таможни. Она была увенчана флагами. Всюду – портреты президента Сирии Хафиза Асада и его бородатого сына. Этот бородатый – первый сын, который погиб; есть у Хафиза и другой сын, безбородый.

Сирийские таможенники, пуская в свою страну иностранцев, проявляли бдительность. Вот перед нами в очереди стоит молодой француз, приехавший на автобусе. Сириец вертит в руках его паспорт, полный виз и штампов, разглядывает их и вопрошает по-английски:

– Хм... Посещали ли вы Израиль?

– Нет, нет, – испуганно отвечает француз.

– Хм... А есть ли у вас в паспорте израильские штампы?

– Нет, нет!

– Хм... – таможенник продолжает разглядывать необычный паспорт, – а это что ещё за штамп?!

Подозрительный штамп оказался печатью аэропорта Коломбо, и француз было мило-стиво позволено посетить Сирию.

Вот и другой подозрительный элемент с красным советским паспортом; оказалось, дагестанец. У него нет не только израильской, но и сирийской визы, и пускать его в страну не хотят. Дагестанец возмущается (на русском языке):

– Раньше всегда простой был: заплатил – поехал!

Я выступаю в роли переводчика, объясняю, что раньше визу ставили на границе, а теперь – только в аэропорту. Или нужно вернуться в Турцию и получить сирийскую визу в посольстве Сирии в Анкаре².

Дагестанец, ругаясь на сирийцев и на свою неудачную судьбу, извлекает свой чемодан из автобуса и возвращается в Турцию.

Что же касается нас с Андреем, израильских виз в нашем паспорте не просматривалось. Нас, как и прочих въезжающих, заставили заполнить учётную карточку, в которой были такие пункты: имя, фамилия; имя отца; имя матери; дата рождения; адрес в Сирии и т.п.. Эти карточки заполняются в двух экземплярах, один сдаётся тут же при въезде, а другой нужно беречь до выезда. Наконец, все формальности окончены, и мы входим на сирийскую землю через очередные большие ворота с портретом президента Хафиза Асада.

² Правила получения сирийской визы год от года менялись. Через несколько лет сирийцы стали опять выдавать свои визы и на наземной границе всем туристам из России. Но сейчас (2016) в Сирии уже несколько лет идёт гражданская война, и ехать нынче в Сирию не следует. Такая хорошая страна и так испортилась, очень жаль. – Примечание 2016 г.

Дружелюбная Сирия

На этой стороне границы нас поджидало такси.

– Такси, мистер, Халеб, Дамашк, – возглашал водитель.

– Ля такси, парасыз, пара йок, – отвечали мы на смеси арабского и турецкого языка: давай бесплатно, мол.

Водитель немного посмеялся над нашей непрактичностью (кто мол, сейчас повезёт за просто так), а потом всё же согласился с нами. Мы сели в машину и проехали километров семь до ближайшего к границе села Баб-аль-Хава, где водитель и высадил нас, указав, где проходит трасса на Алеппо. Вероятно, водитель был не настоящим таксистом, а жителем приграничного села, пытавшимся найти попутчиков у границы.

Сирия встретила нас солнечной весенней погодой. Арабский язык обитал в наших головах пока в зачаточном состоянии. Я поначалу путал турецкий «парасыз» и арабский «маджанан» (бесплатно), турецкий «йол» и арабский «тарик» (дорога), турецкий «араба» и арабский «сейяра» (машина). Мимо нас по «йолу», точнее «ат-тарик», проезжали араба за «арабой», точнее «сейярой» за «сейярой», но все они имели форму маршрутных такси или автобусов.

Схема наших переездов по Сирии

Пока мы высматривали нормальную машину, чтобы отвезла нас парасыз, точнее маджанан, – вокруг нас собрались любопытные местные жители.

– В Алеппо надо ехать? вот маршрутка идёт, – показывали нам они. Но мы избегали маршруток, опасаясь их платности.

Вскоре местные жители, поняв, что мы люди приезжие и тупые, застопили нам маршрутку. Водитель (неожиданно для нас) согласился нас отвезти и бесплатно, а один из пассажиров даже знал русский язык.

До Алеппо было километров сорок. За окном проплывали поля и деревни одноэтажных каменных домиков. Дорога была похуже, чем в Турции, примерно российского качества. Обгоняющие и встречные машины вели себя весело, бибикали, люди ехали в кузовах грузовиков. Вскоре высадились в Алеппо.

Алеппо, он же Халеб, второй по величине город в Сирии. Здесь живёт около полутора миллионов человек. Сколько сразу отличий от турецких городов, находящихся совсем рядом! В Турции относительно мало лавок, магазинчиков и вкусных едаден, а здесь практически

в каждом доме на первом этаже – одна или несколько лавок. Турецкие города были относительно чистыми, а здесь, куда ни глянь, валялись обрывки газет и полиэтиленовых пакетов, передвигаемые туда-сюда ветром. Обилие микроавтобусов и народ на улицах, суетливо куда-то стремящийся. И необычайное обилие развешанных всюду портретов президента Хафиза Асада, недавно избранного на пятый семилетний срок абсолютным большинством в 99,99% голосов.

В этот день, как и во все следующие две недели, нам приходилось удивляться, сколь просторен в своей стране сей вечный президент. Каждая лавка, магазин, телеграфный столб и стена дома украшались его портретом, а то и не одним. В некоторых богатых конторах и учреждениях стояли его статуи или бюсты. Хафиз Асад простирал руки над трассами, встречал нас на въезде в различные города, бдительным оком взирал на народ в харчевнях и даже в некоторых квартирах. Надписи на арабском и английском гласили: «Мы, как всегда, сказали ДА! Хафизу Асаду!» и т. п.

После недолгих поисков мы отыскали и российское консульство. И, о радость! – навстречу нам возник Владимир Шарлаев! Как хорошо, что он нас дождался!

Владимир Шарлаев в кузове грузовика. 1999

Вот его судьба.

От Москвы или Питера до Алеппо ехать можно что справа от Чёрного моря, что слева – выйдет одинаковое расстояние. Мы поехали через Батуми (читатель помнит, чем это завершилось), а Вовка через Болгарию и Румынию. Достигнув Анкары, он долгое время удивлялся, почему никто не прибыл на эту (впрочем необязательную) встречу. Позвонил в Россию – тут и узнал он, что остальные путешественники сидят в темнице города Батуми. Вовка быстро добрался до Алеппо, где уже несколько дней ожидал нас, ночуя в сторожке у сирийских солдат, охраняющих консульство. Сотрудники консульства отнеслись к автостопщику хорошо и время от времени угощали его вкусностями.

В этот же день в Алеппо прибыл Паша Марутенков, а также Саша Казанцев в паре с Гришей Кубатьяном. Эти двое успели посетить столицу Турции, Анкару, где и остался ещё один участник поездки, калужанин Миша Кошелев, не имевший ни сирийской, ни прочих виз.

Мы обменяли несколько долларов в российском консульстве и вшестером отправились гулять по Алеппо.

* * *

Немалый процент жителей Алеппо составляют армяне и иные русскоговорящие люди. А из арабов многие обучались у нас, в России. В былые советские годы в Сирии работало

несколько тысяч российских рабочих, а в последующее время её посещали не меньшие толпы наших челноков. Из-за всех этих причин русский язык в Алеппо оказался распространён; то там, то сям нам попадались читаемые надписи и рекламы; а продавцы и прохожие, распознав нашу сущность, тоже иногда проявляли знания русского.

Вечерний Алеппо сверкал тысячами огней; всюду кипела жизнь. На обочинах сидели чистильщики обуви (на одной площади их обнаружилось человек двадцать), и со всех сторон предлагали почистить нам ботинки за небольшое пожертвование. Бумажные и полиэтиленовые плакаты с изображениями президента Хафиза Асада висели повсюду, а в некоторых магазинах ими была завешана целая стена. Из многочисленных едален доносились запахи шаурмы и прочих жареностей и вкусностей; продавались дешёвые, разнообразные сладости; с лотков и тележек можно было купить местные фрукты-овощи. Иракские челноки, презрев всемирное эмбарго, продавали за бесценок содержимое своих перегруженных легковушек – ботинки, финики, одежду и другие порождения соседней иракской земли.

Машины медленно протискивались, толкаясь, по узким улицам туда-сюда; в кузовах некоторых из них сидели люди, замечали нас и махали нам, удаляясь. Мы употребляли всё съедобное, что встречалось нам по дороге и отмахивались от чистильщиков обуви. Искали междугородний телефон – но все имеющиеся телефоны были карточными. Вовка Шарлаев за время долгого ожидания в Алеппо уже успел стать карточником и позвонил в Россию, сообщив о нашем воссоединении.

Вечером сего же дня сотрудники российского консульства одарили нас шаурмой, жареной курицей и другими угощениями. Мы съели их за здоровье отечественной дипломатической миссии и расставили свои палатки на газоне напротив консульства. Наконец-то мы в Сирии! Наука победила!

16 февраля, вторник.

Шестеро российских автостопщиков благополучно переночевали в своих палатках на газоне напротив российского консульства в сирийском городе Алеппо. А в половине одиннадцатого утра появилась последняя, несколько задержавшаяся двойка автостопщиков – Костя Шулов и Миша Венедиктов.

Сотрудники консульства, наблюдая прибавление автостопщиков, были рады вместе с нами, и устроили нам маленькую экскурсию по территории консульства. На прощание нам подарили комплект еды, на целый автостопный пир. Мы окончательно разработали маршрут путешествия по Сирии, разделились на двойки и попрощались с гостеприимными соотечественниками и охранниками консульства.

Сирийская Арабская Республика – страна с необычайным количеством достопримечательностей. Крепости и замки древних арабов, римлян и крестоносцев, старинные мечети и развалины мёртвых городов, христианские монастыри, бескрайние пустыни, море, и при этом – замечательные люди!

С выбором маршрута нам повезло. Ещё в Москве мы познакомились с полезным человеком, Сергеем Медведко, который прожил в Сирии долгое время, и приобрели его книгу-путеводитель (С. Медведко, Д. Осипов. «Вся Сирия».) Так как книга была толстая, мы разорвали её на четыре части, по числу автостопных пар. Из этой книги мы извлекли сведения об основных интересностях этой страны, заранее узнали, где что находится, и ещё в Москве в общих чертах определили маршрут.

Нам хотелось посмотреть развалины древних городов вдоль течения реки Ефрат, легендарную Пальмиру, замки крестоносцев, Средиземное море, римский амфитеатр в Босре и деревянные водоподъёмные колёса-нории в Хаме, Маалюлю, в которой до сих пор люди говорят между собой на том диалекте арамейского языка, на котором говорил Христос, и многое дру-

гое. Рассмотрели карту Сирии, выбрали, что кого больше интересует, разделились на пары и отправились в путь.

Мой прежний напарник Андрей Петров на этот раз поехал с Гришей Кубатьяном, Вовка Шарлаев – с Сашей Казанцевым, Костя Шулов – с Пашей Марутенковым,

Миша Венедиктов поехал со мной. Наши с ним планы были таковы: мне хотелось отправить пару открыток домой; Мише – купить новые кроссовки; после сего мы намеревались покинуть Алеппо и отправиться по трассе, идущей вдоль Ефрата, на юго-восток, попутно осматривая древние города. Андрей с Гришей тоже направлялись таким путём на юго-восток, а прочие решили начать осмотр Сирии с других мест. Но подробно об этом будет рассказано ниже.

* * *

Завершив все свои дела в Алеппо и получив несколько бесплатных карт страны в офисе туристской информации, мы с Мишей направились на выход из города. Алеппо оказался довольно велик и просторен. Как только мы устали ходить и начали автостопить, вокруг нас образовались местные жители, желающие нам помочь. Они что-то нам объясняли, размахивали руками и пытались остановить проезжающие автобусы и такси. Это вредило автостопу: водители нормальных машин, проезжая мимо, думали, что вся эта тусовка ловит автобус, и не останавливались. Мы с Мишей пытались уйти из зоны видимости, но помощники, уже новые, появлялись вновь. Только минут через двадцать нам удалось уехать подальше от них.

Арабский язык был нам пока почти неведом. Однако водители оказались дружелюбны, и чем дальше от Алеппо, тем лучше шло дело. В вечернем мраке мы достигли посёлка Мансура.

Примерно в двадцати километрах отсюда находится Расафа, первый древний город, который мы хотели посмотреть.

Из книги «Вся Сирия» мы узнали историю города. Основанный в незапамятные времена, он упомянут даже в Ветхом завете. В 305 году нашей эры в Расафе был казнён римский легионер-христианин Сергей (в честь именно этого мученика получил своё имя наш русский святой Сергей Радонежский). Вскоре после этого события окружающий мир стал христианским, и в шестом веке город был переименован в Сергиополис. В седьмом веке Ближний Восток был обращён в мусульманство, и в городе, в дополнение к христианскому собору, появилась мечеть. В конце тринадцатого века в городе обосновались представители мусульманской секты исмаилитов, и правящий в то время один из мамлюкских султанов, представитель «более ортодоксального» мусульманства, обеспокоившись сим, заставил всех жителей покинуть город. И он опустел, а строения, стены, собор и мечеть остались посреди пустыни и потихоньку разрушаются даже до сего дня.

Только мы выгрузились из кабины грузовичка у поворота на Расафу, как увидели, что в этот же самый момент из другой машины вылезают Гриша Кубатьян и Андрей Петров. Вот встреча!

Мы с Мишей попытались уехать в Расафу ещё на чём-либо по глухой тёмной дороге, (оставалось километров двадцать), и даже застопили трактор, который провёз нас несколько метров и свернул в проулок. Мы покинули его. Трасса была неживлённа. Интересно, а куда делись Гриша с Андреем? Они ведь тоже хотели стопить, но куда-то исчезли.

Но они отозвались – из дверей соседнего дома. Оказалось, они сразу поняли, что машин не ожидается, и решили попробовать переночевать по-научному. Сошли с дороги и постучали в первый попавшийся дом, думая о том, какой, интересно, будет эффект. Дверь открыл парнишка и, увидев перед собой в вечернем мраке двух мистеров, безумно обрадовался и затащил их в дом! Отец, мать и другие дети тоже были рады, а тут идут ещё двое – мы. Радость их была совершенно искренняя!

Разуваемся и проходим в дом. Он построен из шлакоблоков, скреплённых цементом, и, как и все дома в посёлке, имеет прямоугольную форму. Крыша плоская. Внутри две комнаты. В основной комнате, посередине, стоит металлическая печка и топится соляжкой, по каплям поступающей из сосуда; от печки идёт вверх длинная металлическая труба. Стульев, столов в комнате нет; имеется маленькая тумбочка под телевизор, телефон и куча детей. Хозяин был одноруким, но так не придавал значения этому, что я не скоро заметил сие.

Хозяева не знали английского языка (один из детей изучал его в школе, но язык был для него абстрактен, и разговаривать и понимать речь он не мог, хотя делал домашние задания исправно), а мы пока почти не знали арабского, тем не менее наша беседа была интересна и содержательна. Мы пользовались жестами, многими интернациональными словами и десятком уже изученных арабских, а также тетрадкой и ручкой. Например, я долго не мог объяснить слово «туалет», пока не нарисовал писающего человечка; все поняли, засмеялись и показали мне путь. Через некоторое время принесли сирийскую еду: простоквашу, хомос (гороховую кашу), лепёшки и чай. Всё естся руками или лепёшками. Чай пили маленькими стаканчиками, и Андрей, главный любитель чая, выпил немало оных.

Когда же настало время сна, обнаружилось, что хозяин имеет ещё один домик, на противоположной стороне шоссе, близ Ефрата. Туда он и направил спать двоих (нас с Мишей), а остальные спали в том доме, куда постучались. Сон осуществлялся при помощи тюфяков и одеял, раскладываемых на полу; спальные не понадобились.

17 февраля, среда.

Наутро мы опять воссоединились в первом доме. На прощание нас накормили завтраком, а мы оставили хозяевам на память наши адреса и российские открытки. Сфотографировались и вышли на утреннюю прохладную трассу. Хозяин, его жена и дети долго махали нам вслед.

Всю последующую неделю мы (Миша, Гриша, Андрей и я) передвигались по Сирии вместе, нераздельной четвёркой, и проблем не возникало, ибо каждая машина в Сирии может везти вдвое больше пассажиров, чем она везла бы в России.

Руины древнего города пребывали в естественном виде – не восстановленные археологами, но и не загаженные посетителями. Часа два мы лазили по стенам и башням, построенным из серо-розовых камней. Вдоволь нафотографировались и насмотрелись. Гриша уверял меня, что здесь можно найти скрытые клады при помощи лозоходства. Решили проверить; я спрятал среди развалин несколько металлических монет (включая советский рубль с Ильичом), а Гриша, взяв два куса проволоки, вытянул их перед собой как усы и ходил туда-сюда. Первый «клад» он нашёл, а потом не достиг успеха.

Посмотрев город св. Сергия, мы вышли обратно на дорогу и вскоре, всей четвёркой, уехали обратно в Мансуру в кузове с овцами. Всю дорогу овцы боялись нас и пытались сбиться

в одну кучу, что им плохо удавалось. В Мансуре проехали мимо дома, давшего нам приют этой ночью, и выбрались на вчерашнюю большую трассу.

* * *

Следующий город, намеченный нами для осмотра, назывался Халябия. Он находился на самом берегу Ефрата. Сперва мы доехали по трассе до посёлка Шиха (довезли нас на маршрутном микроавтобусе, но, разумеется, бесплатно). От Шихи к Халябии шла узкая асфальтовая дорога, но долго идти пешком нам не пришлось: нас догнал трактор, в прицепе везущий землю. Мы поехали на земле и проехали километров шесть до деревни. Затем пошли пешком. Вскоре трактор, уже без земли, догнал нас и провёз оставшееся небольшое расстояние до самой крепости.

Дорога проходит прямо через крепость – чтобы проложить трассу, строители сделали два пролома в стене. Сама крепость одной стороной подходит близко к прохладным водам Ефрата, а другой стороной поднимается на крутую прибрежную гору. Крепость использовали, чинили и разрушали в ходе различных войн сперва римляне, потом византийцы. В шестом веке город был в очередной раз разрушен и окончательно покинут жителями, и пустует до сего дня.

На холме, сплошь покрытом обломками обработанных камней, когда-то была цитадель. Мы воздвиглись туда и с величественных руин обозревали окрестность. Вниз и налево уходили полуразрушенные стены; каменная кладка просела и за истекшие века начала медленно сползать. Внизу протекал Ефрат, был виден вдаль железнодорожный низкий мост и чёрные поля на противоположном берегу. Слева внизу, вдалеке, расположилась маленькая сирийская деревушка, которую мы только что проехали. По руинам крепости ползали несколько иностранных туристов, прибывшие чуть после нас. Один из них оказался венгром, другой – французом, прочие до нас не доползли.

Начался мелкий, морозящий дождь. Мы лазили и фотографировали, несмотря на него, сколько могли. Часа через полтора, покрытые влажной землёй и тысячелетней пылью, мы спустились вниз и умылись Ефратом. Река была холодной и мелкой, и являла собой продолжение мелкого, холодного дождика, текущего сверху.

Близ крепости располагалась деревня – та самая, которую мы видели сверху, та самая, куда первый трактор вёз прицеп земли. Пошли туда – и нас опять подобрал трактор, на этот раз без прицепа. И мы четвером уехали на нём, с четырьмя рюкзаками! Все сели на крылья трактора, двое лицом вперёд, двое лицом назад; тракторист в одноместной кабине.

В деревне, у ворот одного из домов, стояла небольшая группа женщин и детей. Они следили за нами, проходящими по дороге. Из вчерашнего опыта мы уже знали, что сирийцы только и мечтают оказать блага путешественнику, но часто смущаются предложить. Мы свернули с дороги, подошли к ним, съедаемые взглядами, и попросили хлеба (по-арабски – хубз).

Что тут началось! Все бурно обрадовались, притащили пластмассовые стулья, столик, и во дворе сего дома, прямо под открытым небом (дождик уже кончился) устроили нам маленький пир – из хлеба, чая, помидоров, простокваши и других сирийских кушаний. Женщины и дети стояли вокруг нас и жадно наблюдали за тем, как жадно мы употребляем пищу. Ничего себе! настоящие иностранцы! как интересно! Жители соседних дворов тоже узнали про интересное событие в их деревне и поспешили тоже рассмотреть нас.

В этот день у нас было ещё немало приключений. Когда мы выбрались на основную трассу, огромный грузовик с прицепом, полным камней, довёз нас почти до города Дейр-эз-зор. Ехали мы все четвером в кузове на камнях, что напоминало езду в товарном вагоне. Потом, на оставшиеся километры до Дейр-эз-зора нас четверых повёз мотоцикл с прицепом (!). Трёхколёсный мотоцикл представлял собой микрогрузовичок грузоподъёмностью килограмм в двести. Такой же трёхколёсный прицепик был привязан сзади на длинных ремнях. Двое сели

в переднюю машинку, двое в заднюю... Когда трасса пошла в гору, мы шли рядом с водителем, мысленно помогая машинке взобраться на подъём.

В Дейр-эз-зоре к нам привязались двое разговорчивых людей, спешившие выговорить все слова, которые они знали на любимом и неведомом английском языке. Они прошли с нами рядом почти полгорода, непрестанно болтая, и лишь когда мы начали автостопить, нам удалось вежливо попрощаться с ними. На выезде из Дейр-эз-зора нас подобрал странный человек на маршрутке, мы никак не могли объяснить ему тайну автостопа и нашу бесплатную сущность. Но всё же, вероятно, водитель маршрутки что-то понял, провёз нас всего полкилометра и пересадил в красную легковую машину. Водитель последней оказался англоговорящим, провёз нас 10 километров и подарил 500 сирийских лир (десять долларов) на дальнейший проезд. Когда он дарил их нам, возник спор: Миша Венедиктов считал, что деньги брать не надо, а я полагал, что вполне можно, если дают от души. Всё же взяли, и водитель остался доволен своей благотворительностью.

В городе Маядин, когда мы шли по нему, испытывая жажду (в предыдущем городе купили очень сладкие и очень жирные пончики, жир прямо тёк из них), произошёл следующий случай. Проходили мимо всяких магазинчиков, и Миша обронил мысль: купить бы газировки! Я подумал: Бог пошлёт, но Миша уже завернул к магазину. Мы остались ждать его около другой лавки. Тут же один из местных жителей, увидев нас троих, просто и без лишних разговоров купил нам по бутылочке кока-колы, словно угадал наши желания. Вот возвращается Миша с большой бутылкой – каково его удивление!

Интеллигентный, англоговорящий араб, в недалёком прошлом житель Кувейта, подобрал нас на своём грузовичке. Двое сели в кабину, двое в кузов. Мы ехали по ночной трассе на юго-восток и трепались о мировой политике. Навстречу шли нескончаемые бензовозы с иракскими номерами, а иногда и мелкие легковушки – иракские челноки. До границы оставалось километров шестьдесят. Водитель рассказал, что трасса в Ирак открыта для коммерции. Бензовозы, идущие днём и ночью, работают в рамках программы ООН «Нефть за еду»: Ирак отгружает в Европу через сирийские порты Тартус и Латакия некое определённое количество нефти, а взамен получает продовольствия и лекарства. Кроме того, говорят, что, несмотря на эмбарго ООН, сирийцы тайно перепродают иракскую нефть, выдавая её за свою.

А вот иракские челноки, заполняющие базары Алеппо, Дамаска и Дейр-эз-зора своими дешёвыми финиками, ботинками и ширпотребом, вообще никак не реагируют на объявленное странами Запада эмбарго и спасают иракскую экономику, а также и свой кошелёк, ежедневными экспортно-импортными операциями.

Слушая сей экскурс, мы потихоньку приближались к очередной своей цели. Следующим местом, что мы наметили посетить, были развалины города Мари, находящиеся на самом юго-восточном краю Сирии, в получасе езды от иракской границы.

Город Мари, столица одноимённого древнего государства, был основан около пяти тысяч лет назад. Во времена Авраама город достиг особого расцвета, как коммерческий и торговый центр. Несколько раз Мари бывал разрушен, но потом возрождался вновь. Но примерно в 1757 году до нашей эры Мари был разграблен и сожжён вавилонским царём Хаммурапи, причём так, что никогда уже больше не возродился. Более того: остатки города были засыпаны землёй, и в течение последующих трёх тысячелетий люди вообще не ведали о том, что было на этом месте.

И только в 1933 году (нашей эры) жители одной сирийской деревушки, роя могилу для мертвеца, откопали древнюю каменную статую. Вскоре начались раскопки, и за несколько сезонов археологи извлекли из-под земли остатки глинобитных домов, стены, царский дворец, башню-зиккурат и тысячи глиняных табличек с клинописным текстом. Чтобы древности не разрушились от взаимодействий с атмосферой, часть откопанных строений были прикрыты

от непогоды навесом. Другую часть археологи вообще закопали обратно – разумеется, растащив по музеям и лабораториям всё сколь-нибудь интересное.

...Водитель-кувейтец довёз нас до Мари, находящегося близ трассы. И что бы вы думали? он захотел денег! В кошелёк водителя тут же и перепало триста лир из тех пятисот, что подарил нам один из предыдущих водителей.

В вечерней полутьме мы поставили палатку во дворе местного отеля, хозяин которого, хотя под конец и предложил нам ночевать у него бесплатно, но сделал это предложение без искренней радости.

18 февраля, четверг.

Утром, как только мы приблизились к развалинам Мари, навстречу из какой-то хибары вылез билетёр. Стоимость входного билета мы так и не узнали – две бумажки, с надписью «1 билет МММ» на каждой, стали ему утешением; и довольный билетёр пропустил нас.

Развалины Мари. 1999

Григорий Кубатьян втирает билетёру билеты МММ

Мари, как оказалось, представлял собой даже не развалины, а археологический раскоп под пространным навесом. Мы спустились в некое подобие ямы: за сорок веков Мари ушёл под землю метров на пять, а то и поболее. Интересно, как археологи умудрились его расчистить? Ведь древние стены сделаны из необожжённой глины, а почва, в которую они закопаны, из сей же глины и состоит! Получается, можно выкопать что угодно? Мы побродили по полутёмным галереям, по глиняным стенам, которые сыпались, по двору царского дворца и вылезли наружу.

Снаружи были видны остатки других раскопок – так как крыши над ними не было, это были, вероятно, менее ценные. На развалинах тысячелетнего города паслись овцы; пас-

тух сидел, греясь на солнце; овцы искали съестное среди обветренных, осыпавшихся руин. Поскольку ничего более интересного в Мари не оказалось (все статуи, глиняные таблички, утварь и т. д. давно пылились в разных музеях), мы выбрались на трассу и поехали в обратную сторону – в очередную крепость Дура Эропос.

* * *

Маленький грузовичок подвёз нас прямо к воротам крепости, хотя она находилась примерно в километре от трассы.

Крепость Дура Эропос на Ефрате моложе соседнего Мари примерно на двадцать пять столетий. Город принадлежал в разное время грекам, парфянам и римлянам. Протяжённые каменные стены, остатки башен и храмов в настоящее время населял лишь один билетёр. В длинном халате и в туфлях, в больших чёрных очках, замотав голову косынкой-«арафатовкой», он восседал на небольшой площадке на вершине древней крепостной стены, зорко вглядываясь вдаль. Для поддержания жизни он имел две пластиковые торпеды с обычной водой, ружьё и набор билетов.

Когда, наконец, на горизонте показались мы, одинокий билетёр вылез из развалин, и, размахивая ружьём, дал понять, что вход в Дуру Эропос возможен только через его труп или через билет. Я не послушал и полез в ворота, закрытые большой современной решёткой. Но прочие автостопщики не решились так презреть желания билетёра, и мне пришлось вернуться.

Билетёр настойчиво пытался продать хотя бы один билет за сегодняшний день (стоимостью около доллара), но мы упёрлись. Оглядев Дуру Эропос с высоты стены, где находился билетёрский наблюдательный пункт, мы поняли, что можем обойтись без оной, и направились в следующую крепость, которая превзошла все наши ожидания.

Интересно, что в каждой крепости, посещённой нами, мы встречали стреляные гильзы. Откуда они? – недоумевали мы. Теперь нам раскрылась тайна явлений: это следы расправ, творимых билетёрами над безбилетниками.

* * *

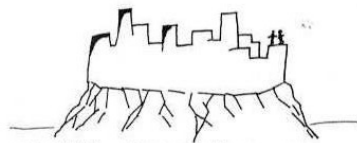
Крепость Калаат Рахба находится километрах в пяти от сирийского городка Маядин, на крутой возвышенной горе, видной отовсюду, лишённой всякой растительности.

Эта крепость оказалась ещё на тысячу с лишним лет моложе предыдущей, и, благодаря этому, сохранилась лучше. Рахба была основана в девятом веке нашей эры. Разные арабские правители пользовались крепостью, то улучшая, то разрушая её, в течение нескольких столетий.

Рахба ещё издали порадовала нас своими внушительными размерами. Гора, которую она венчала, подчёркивала величие крепости. Опасаясь, что и здесь окажутся билетёры, мы оставили рюкзаки у подножия горы и полезли вверх по самому крутому склону. (Рюкзаки украсть не могли – людей вокруг почти не было, да и мы уже знали, что Сирия – страна практически без воров.) Никто не помешал нашему залезанию, и мы попали в пустынную крепость через пролом в стене. Таких проломов было множество, стены зияли дырами, которых было уже не меньше, чем самих стен. Может быть, части стен были когда-то подкопаны и рухнули при очередном штурме.

Крепость, составленная из больших глиняных кирпичей, оказалась великолепно. Защитники крепости имели неплохой обзор. А внутри, под крепостью, оказались обширные подземелья. Хотя и были у нас фонарики, но всех ходов обойти так и не смогли: они завершались тёмными ямами неясной глубины, идущими вглубь горы. В подземельях было так интересно, что я подумал, что когда-нибудь приеду сюда с более мощным светом и с верёвками.

Снаружи всё тоже было шикарно: остатки стен и башен, лестниц и иных сооружений. Почти всё было построено из необожжённой глины и сильно обветрилось и деформировалось от времени.

МОЩНЫЕ СТЕНЫ крепости
Калаат-Рахба могут защитить
внутренность от кого угодно, кроме
как от нас, русских безбилетников.

Крепость Калаат-Рахба в 1999 году

Проведя в изучении и фотографировании крепости часа полтора, мы спустились с горы. Забрали рюкзаки. Когда проходили мимо окраинных домов Маядина, возникло у нас плотское желание утолить голод при помощи традиционного сирийского гостеприимства. И счастье нас ожидало в первом же доме! Миша даже объелся. Подарив, по обыкновению, открытки с видами Москвы хозяевам дома, мы вернулись на трассу.

Сирийский офицер в форме и в машине типа «Нивы» вывёз нас на окраину Дейр-эз-Зора, вчера посещённого нами. На перекрёстке стоял большой памятник чайнику. Да-да, чайнику, высотой метра два, с носиком и ручкой.

На чайнике был наклеен предвыборный портрет Президента. Мы, конечно, сфотографировали этот необычный монумент, не зная, что через пару месяцев, в Судане, нам предстоит увидеть ещё более дивные статуи: памятник Бутылке, памятник Колесу, памятник Железнодорожному Фонарю...

У чайника поймали легковушку, идущую из Ирака в Дамаск. Англоговорящий водитель всю дорогу общался с нами, показывал нам свои фотографии, рассказывал о жизни в Ираке, слушал нашу, российскую, кассету, которую мы предложили поставить (бардовский сборник «Песни нашего века»). Мы, все четверо, расспрашивали водителя на предмет арабского языка и расширили свой словарный запас.

Вода – мэ. Холодная вода – мэ борид. Горячая – мэ мэгли. Еда – киль. Спать – наам. Ходить – мши. Я путешественник – анна мусафер (или: рохаля). И т. д.

Водитель довёз нас до Тадмора – города, более известного как Пальмира, – где мы вышли, а он продолжил путь.

Итак, за сегодняшний день мы проехали 327 километров, осмотрели две крепости вблизи и одну издали (Дура Эропос с билетёром), – неплохо!

А что ждёт нас в Пальмире?

* * *

У самых старинных развалин, составляющих достопримечательность города, несмотря на поздность часа, работал маленький базарчик. Торговцы сразу выскочили из-под своих навесов и потащили нас в разные стороны.

Один продавал финики. Отборные, крупные, чистенькие плоды были у него заботливо упакованы в маленькие аккуратные коробочки. Казалось, ещё немного, и он упакует каждый финик отдельно в одноразовый пакетик, как у нас зимой бывают свежие огурцы. Продавец с сияющей улыбкой угостил нас финиками, выдав каждому из нас по одному. Финики и впрямь были неплохие.

– Пойдём, пойдём отсюда, а то сейчас будет впаривать, – предупредил я.

Но Гриша не внял сему и, похвалив финик, спросил, почём они. Оказалось, маленькая коробочка стоит 100 фунтов, а финики помельче – 50 фунтов. Я заметил, что на базаре килограмм иракских фиников стоит 10.

– Иракские финики плохие, а это хорошие! Только для вас – 40 фунтов! – забеспокоился продавец. Но мы уже покидали его.

Под соседним навесом, на нарочито красивых подушках, у металлического, под старину сделанного очага с углями возлежал другой предлагатель.

– Заходите на чай! – позвал он нас. Мы заглянули к нему под навес; из маленького чайничка нам наполнили по маленькой чашечке чая. Это была реклама.

– Sleep, 100 pound! (Спать, 100 фунтов!) – предложил нам он «восточную экзотику». Но мы не поддались этому соблазну и, попив чая, удалились прочь. Когда мы достаточно отошли от этого базара и деньгопросов, мы свернули с дороги и углубились в целый город развалин, колонн, храмов, арок и другого римского зодчества и устроились спать прямо на земле посреди огромных исторических мраморных обломков с древними барельефами.

19 февраля, пятница.

Утром наши тела, лежащие в спальниках посреди античных монументов, стали смущать редких интуристов, и мы поспешили свернуться. Встали и при свете дня оглядели окрестность, что трудно было сделать ночью.

В течение многих веков башни, храмы и колоннады древнего города были погребены под толстым слоем песка, почему и неплохо сохранились. Реставраторы двадцатого века выкопали настоящий огромный город, сооружения которого протянулись на несколько километров. Подобно лесу, из пустыни торчали сотни колонн, тут и там возвышались остатки храмов, башен, укреплений. По многим можно даже ползать.

Погребальная башня в Пальмире. Конец XX века (сейчас, вероятно, от неё ничего не осталось)

Пальмира. 1999

Пальмира. 1999

Мы пошли вчетвером по огромным булыжникам римской дороги, справа и слева от которой торчали рядами колонны и их остатки, и увидели, что навстречу нам движется какой-то тип на лошади. Уж не билетёр ли это? Всадник приблизился к нам и обнаружил свою сущность:

– Мистеры! Хотите покататься на лошади? Недорого!

Мы отказались.

– Пальмира такая большая, обойти пешком всё невозможно! Возьмите лошадь!

Поняв, что сбыть нам свою кобылу не удастся, предлагатель удалился, клацая копытами по старинной римской мостовой, ища других утренних посетителей.

Но к нам уже двигался другой персонаж. Уж не билетёр ли?

– Camel, my friends! From which country? Russia? Camel, верблюд! – произнёс он, гордый своими познаниями в русском языке и во всех остальных. – Верблюд!

Мы вежливо попрощались с верблюдом и его погонщиком, и они растворились среди античных развалин и колонн. Но тут, не успели мы дойти до конца колоннады, нам наперерез помчался велосипедист, подпрыгивая на исторических ухабах.

«Сейчас будет предлагать покататься на велосипеде», – угадали мы.

Но это было не так: мужик оказался продавцом бедуинских платков, которые мы называли «арафатовками». Достигнув нас, он остановился, развязал мешок на багажнике и стал демонстрировать товар. С трудом мы объяснили ему, что не испытываем нужды в сём.

Вскоре мы постигли, что общего билетёра на весь город нет, но во многих особо интересных местах стоят местные билетёры. Одним из таких платных мест оказался античный храм Бэла (Ваала). В двенадцатом веке этот храм был превращён в военное укрепление, а в двадцатом он был отреставрирован и ещё более укреплён, чтобы посетители не лазили через забор, а входили через центральный платный вход. Однако, как только мы обошли стену, окружавшую храм, с правой стороны, так увидели место, удобное для залезания, и проникли внутрь. Цивильные туристы, наполнявшие внутренний двор, удивились такому явлению. Среди оных были японцы, французы и другие.

Когда мы осмотрели храм Бэла, нам поступило предложение зайти на чай к одному из пальмовых садовников. Как известно, оазис Тадмор получил своё второе название – Пальмира – именно из-за пальмовых садов, которые и по сей день весьма велики и подходят к самым историческим развалинам.

Сады были огорожены глиняными заборами высотой с человеческий рост и давали урожай фиников. Однако, когда позвавший нас хозяин решил угостить нас, он достал коробку с иракскими финиками. Мы удивились. Он объяснил, что иракские финики обходятся гораздо дешевле, чем собственные!

После осмотра сада мы вернулись в развалины и пошли в район погребальных башен. Древние богатые люди здесь, как и во многих других странах, имели желание увековечить свою смерть. Каменные башни в несколько этажей, высотой метров до пятнадцати, служили для захоронения целых семей и родов. От захоронений почти ничего не осталось, можно лишь приглядеться и увидеть нишу для гроба или загулявшую косточку, валяющуюся среди мусора (может, вовсе и не древнюю). Мы занялись лазанием по погребальным башням и склепам и провели в этом занятии долгое время.

Пальмира состоит из нескольких районов, мы так и не успели осмотреть всё. День начал склоняться к вечеру. Мы пресытились развалинами и вышли на трассу, которая проходила прямо среди развалин, разделяя город на две половины. Тут нас зазвали на чай местные жители, проезжавшие мимо на трёхколёсном мотоцикле с маленьким кузовом. Вшестером на мотоцикле? Ну-ну...

Жители привезли нас в свой пальмовый сад, типа того, что мы посещали утром. Поставили на огонь маленький закопчённый чайник. Хозяева проявляли свойства англоговорения и восхваляли свою страну, упирая на то, что она самая дешёвая из всех стран Ближнего востока.

«Вон ботинки у тебя разрушаются,» – показывали они на мою отделяющуюся подошву у ботинка московской фабрики спортивной обуви, – «В Дамаске всего за сто фунтов починят! Это всего два доллара! Сирия самая дешёвая страна!»

«В Иране за один доллар можно новую обувку купить,» – подшучивал над ними Андрей, не бывший в Иране, – «Сирия дорогая страна, Иран самая дешёвая!»

Когда же чай был выпит и мы собрались на трассу, оказалось, что он был платным: поллитра чая в «самой дешёвой» Сирии оценили в 100 сирийских фунтов. Вероятно, все разговоры о дешёвости Сирии, заведённые хозяевами, имели целью подготовить клиентов к расплате. Гриша достал из кармана припасённый билет МММ, и расплатился им.

Да, конечно, массовый туризм изменяет лицо городов и целых стран. Здесь, в Пальмире, местные жители привыкли собирать деньги с иностранцев за ночлег и за чай – а ведь всё это нам предлагали во всех других местах абсолютно бесплатно, да ещё и с удовольствием. То же самое мы наблюдали в Индии год назад: масса торговцев и предлагателей платных услуг и таксистов, и в то же время в соседнем Пакистане или в Иране, где туристов почти нет – восточное гостеприимство и бескорыстная доброта.

* * *

В кузове очередной машины мы поехали в следующий город – Хомс. Вечерело, трасса шла по возвышенности, было пыльно и холодно, мы с Андреем даже замёрзли по дороге. Вдоль трассы, справа и слева, тянулась бесконечная пустыня. Но она не была безжизненной: тут виднелись огороженные военные части, танки, локаторы; там – тусовки кочевников-скотоводов со стадами и палатками; в общем, пустыня была населена. Палатки скотоводов показались мне одинаковыми; интересно, если кто-то из них едет в город, то как потом обратно находит своё местожительство? километровых столбов-то нет! Перед Хомсом пошли промышленные заборы, и в вечерних сумерках, после Пальмиры, они смотрелись скучно.

Пропылённые и весьма замёрзшие, мы приехали в город Хомс, цивилизный и довольно современный, третий по величине в Сирии (более миллиона жителей). Хотелось найти чайхану, выпить чая и согреться. Вскоре едальня была обнаружена. В любом сирийском городе и даже посёлке легко найти уличную закусочную, но все они имеют свой ограниченный ассортимент. В этой самым главным блюдом были «сэндвичи», этикетки рулеты, когда в блин хлеба заворачивают салат из солёностей, котлетностей и т.п.. Мы были единственными посетителями харчевни, и хозяин, обрадованный тем, что его посетили четверо прожорливых русских, спешно обслуживал нас своими сэндвичами и «мэ мэгли» (кипятком). В Хомсе было уже теплее, чем на трассе – около +10 – но всё-таки это был февраль, и хозяин грел своё заведение большим обогревателем.

Пока мы сидели и питались, в городе погас свет, и всё вокруг стало темно и загадочно. Минут через пять свет включили снова, и вечерний город вновь засветился тысячью огней. Мы объелись, согрелись, обпились, поблагодарили хозяина заведения, расплатились и продолжили гуляния по городу.

Когда же мы достигли центра вечернего Хомса, один из городских таксистов, обрадованный видением иностранцев, предложил нам заехать к нему в гости на чай. После Пальмиры мы заподозрили неладное (увезёт куда-нибудь, а потом окажется платная услуга), и предупредили его. Таксист возмутился:

– Как я с друзьями могу брать деньги? Хотите, я вам лучше дам денег? Сколько вам нужно! 1000 фунтов? 2000? 5000? – мы успокоили водителя, сказав, что не нуждаемся в деньгах, и он, радостный, повёз нас к себе домой.

Мы довольно долго ехали по улицам Хомса, углубляясь в его недра. Центральные улицы были широкими проспектами, а бетонные дома состояли из трёх-четырёх этажей со светящимися лавками и магазинчиками внизу.

Ближе к окраинам дома становились выше, улицы – уже, а магазинчиков становилось меньше.

Водитель жил со своей семьёй в обычной городской квартире с большим количеством детей и ковров и с небольшим количеством вещей. Электричество опять отключилось, и мы пили чай при свечах. Водитель всячески испускал желания вечной дружбы и предлагал нам вписаться у него на неделю, на месяц или даже на полгода. Однако нам показалось, что ночлег в этом доме затруднит жизнедеятельность гостеприимного таксиста, и вскоре мы попросились обратно в город. Кстати, чая мы уже перепили, особенно наполнился Миша.

Мы оставили на память пару открыток с видами России и наши адреса; хозяин, довольный, повёз нас обратно.

«Неплохо было бы обрести ночлег уже на выезде в сторону Тартуса», – думали мы. Водитель высадил нас в центре города и продолжил таксовать дальше. Мы же пошли на окраину города, туда, где должна была проходить трасса в сторону Тартуса. Тут начался холодный фев-

ральский дождь. Мы шли медленно, ибо сперва приехали в сей город замёрзшие, а теперь стали мокрые и обьевишиеся.

Через пару километров город кончился, и пошли пригороды. Решили напроситься на ночлег. Вот первое место – придорожная бензоколонка. Наш словарный запас на арабском пока невелик, но всё же...

– Мумкен – наам – хуна? (можно – спать – здесь?)

Жители бензоколонки удивлёно смотрят на нас, мокрых, и предлагают отправиться в город, в отель. Мы так и не смогли объяснить им свою сущность и пошли дальше.

Вот в стороне от дороги стоит коттедж новых сирийцев: с домофоном, с привратником и другими прибабасами. Новые сирийцы дивятся, но, несмотря на знание английского языка и очевидное наличие свободного места, пускать нас не хотят.

Вот вдоль трассы пошли мокрые сады, теплицы, огороды... Во мраке мы подходим к маленькому домику. Рядом стоит кухня-сарай, как раз для нас по своим размерам. Мы стучимся и просимся у хозяев заночевать в их сарае. Труженики села удивляются и позволяют нам.

Ура! ура! ура! Наука победила! Устраиваемся поплотнее в сём сарайчике. В головах у нас – железная банка с сахаром, кастрюли, припасы всякие.

– Надо рюкзаки спрятать, а то сопрут, – предложил Гриша.

– Кто, интересно? хозяева? – посмеялись остальные, и рюкзаки прятать не стали. Дождь шумел снаружи, и никто ничего не спёр.

20 февраля, суббота.

Утром мы ехали на запад, к морю, а ветер дул нам навстречу, на восток, как он дует в этом месте всегда. Ёлки, которыми была обсажена дорога справа и слева, стояли, скрючившись, пригнувшись к востоку, и все их ветки росли только на восток. Я никогда не видел такого явления. Несколько километров вдоль трассы шли ёлки, ёлки, ёлки, и все, как пугала, развевающиеся на ветру, распустили по ветру свою зелёную одежду.

* * *

Примерно на полдороги между Хомсом и берегом моря стоит крепость Крак де Шевалье. История этого замка относится к временам крестоносцев. Девять веков назад в христианской Европе зародилась идея освободить Иерусалим и прочие святые земли от «неверных», то есть мусульман. Европейские войска понастроили немало крепостей на Ближнем Востоке, а самой мощной крепостью стал Крак де Шевалье.

Как мы узнали из книги «Вся Сирия», до прихода крестоносцев на этом месте находилась арабская крепость. Во время первого крестового похода, в 1099 году, её мимоходом заняли крестоносцы, но тут же оставили, ибо торопились в Иерусалим. Через 11 лет, уже распространившись по Святой Земле и её окрестностям, крестоносцы снова захватили замок. В середине XII столетия он был укреплён и отбил множество атак мусульманских войск. Крак имел два ряда стен и запас продовольствия на пять лет, почему и мог выдержать длительную осаду. Лишь в 1271 году мусульмане путём подкопа и хитрости взяли Крак, выгнали всех рыцарей, а сами занялись дальнейшим укреплением крепости.

Любая крепость должна иметь, по идее, дырку для прохода безбилетников. Но мы обошли Крак кругом и не нашли и щёлки. Только корни столетних деревьев, проросшие из стены в одном месте, давали шанс какому-нибудь отважному альпинисту. Решили не рисковать, идти через центральный вход и платить студенческую цену (15 фунтов; взрослая в двадцать раз дороже). Крепость впечатляет, и фунты были потрачены не зря.

Крак де Шевалье. 1999

Я не буду впадать в описания крепости, ибо для описания всех сирийских крепостей и замков у меня не хватит многообразия слов. Там были всякие ходы, огромные залы, лестницы и башни, камни, поросшие мохом, глубокий ров между внешним и внутренним рядами стен, иностранцы и сирийские туристы, бродящие повсюду... Когда мы поднялись на самую верхнюю наблюдательную площадку и решили сфотографироваться, неожиданно пошёл град, а через несколько минут над нами снова засияло солнце.

* * *

После осмотра Крака мы поехали дальше, на море. В окрестных деревнях большую часть населения составляли христиане. Деревни, растущие среди гор, уходили вверх от дороги узкими улочками, так что я удивлялся, как туда заезжают машины (наклон улиц – до тридцати градусов). Один из водителей пригласил нас к себе на чай. Пока машина поднималась с урчанием по одной из таких улочек, мы чуть не высыпались из кузова.

Христиане, позвавшие нас в гости, оказались людьми «западными» и просвещёнными. Дом их был цивилизован; сидели на стульях за столом, а не на полу. Девушки ходили без косынок, с непокрытыми головами. Хозяева были англоговорящими. Вообще, как мусульмане, так и христиане в этой стране оказались равно гостеприимными, и представители любой веры звали нас на чай, не испытывая никакой религиозной вражды.

Очередной грузовик повёз нас в своём кузове по дороге на Тартус. Вблизи одного портового города трасса оказалась настоящим автобаном, с мостами и развязками, почти турецкого качества. Слева мы увидели Средиземное море. Вечернее солнце, освещая морские воды, медленно углублялось в них. Мы попрощались с водителем и решили заночевать прямо на морском берегу, или у людей, если они пригласят нас.

Мы видели Средиземное море ещё в Турции, в городе Искандерун, но так как мы торопились, а море было отделено от нас полосой порта и промышленных сооружений, мы так и не потрогали его. Сейчас же у нас была такая возможность.

Сошли с трассы; между дорогой и морем оказались огороды и теплицы.

За железными воротами и бетонными заборами жили, вероятно, сельские труженики. Мы постучались куда попало, просясь на ночлег; нас не вписали, но показали что-то в сторону моря.

Вдоль теплиц с помидорами и заборов мы прошли на морской берег. И тут мы поняли, что показывали нам сирийцы. На морском берегу стояло нечто, напоминающее заброшенную турбазу; двадцать маленьких одноэтажных бетонных домиков-кубиков. Они оказались пусты – февраль отнюдь не был в Сирии купальным сезоном. Только в одном кто-то жил – мы это

поняли по вывешенному на улице сохнувшему белью. Возможно, это были сторожа. Мы отошли от сторожей подальше и вошли в один из домиков.

Внутри в домиках ничего не было; по две комнаты и туалету содержалось в них. Не было ни света, ни воды, но это и не важно! Мы нарекли сии здания «HOTEL SYRIA» и возрадовались. Сходили, потрогали море – холодные волны набегали на каменистый берег, обдавая нас брызгами... Расстелились на полу, зажгли свечку...

Солнце погасло, и волны шумели в десяти метрах от входа в наш домик.

Андрей и Миша решили сходить с котелком к людям – сварить кашу. И минут через сорок вернулись с кашей, чаем, хлебом, перцем, помидорами, маслинами и даже бутылочкой растительного масла, которое подарили им! Так и поели.

Когда же мы улеглись, в поздний час, к нам наведались местные сторожа, двое, с фонариком.

– Tomorrow? – спросили они: завтра?

– Tomorrow go, – отвечали мы: завтра уйдём, и сии люди, удовлетворившись, ушли.

21 февраля, воскресенье.

Взошло солнце.

Утром у меня оказалось две неприятности: во-первых, засорился пылью глаз, пока мы ехали по пустыне из Пальмиры, и сейчас он раздражился; во-вторых, вчера вечером, закрывая дверь за сторожами (которые спрашивали «Tomorrow»), я прищемил себе палец. Миша периодически страдал обжорством, и когда объедался, у него болел живот, а случалось сие объедение раза два в день (видимо, это был у него реванш после голодного Батуми). У Андрея был насморк. Чтобы улучшить своё настроение, мы окунулись в море (его температура была около +14) и вскоре забыли о своих неприятностях.

Подкрепившись вчерашними подарками сирийского народа, мы собрались и пошли на трассу. По пути нам попался кран с водой – жаль, вчера не нашли его, могли бы постираться. Умылись, вышли на автобан и сразу застопили «Ниву», в которой и уехали, как обычно, вчетвером.

Сейчас мы направлялись в другую супер-крепость, носящую имя Калаат Маркаб. Эта крепость находилась в стороне от трассы – от дороги до неё было километров шесть, – но она была хорошо видна издали, ибо, как и Крак де Шевалье, венчала собой гору.

Калаат Маркаб. Февраль 1999

Антон Кротов в Сирии. Февраль 1999

Дорожка виляла среди деревенских домов и поднималась всё выше. Справа и слева стояли одноэтажные и двухэтажные бетонные домики, обсаженные большими цветущими кактусами. На них росли красные не то цветы, не то плоды, но мы не подозревали о съедобности их. Когда нам захотелось завтракать, наше желание исполнилось следующим образом:

1. Мы шли по дороге среди деревни и застопили попутную машину, но водители её не поняли, чего мы хотим (по-арабски мы всё ещё говорили слабо). Не взяв нас, машина свернула в проулок.

2. Через несколько минут эта же машина догнала нас, везя третьего человека, англоговорящего. Остановились; человек спросил нас: что нам нужно?

3. Мы попросили кипятка. Нас подвезли к очень цивилизованному дому, где жила большая семья. Кое-кто знал английский и даже несколько слов русского языка. Нам поставили чай; я достал вчерашний хлеб (Миша возмутился, думая, что неприлично ходить в чужой дом со своим хлебом).

4. Хозяйева, поняв нашу сущность, достали разные варенья, помидоры, огурцы и т.д., и с удовольствием скормили нам.

Наевшихся, нас подвезли до самого замка, и мы бесплатно проникли в него. Он оказался менее защищён, чем вчерашний, и не менее интересен. Возможностей полазить здесь была масса! А светлый солнечный день располагал к фотографированию.

После осмотра крепости мы, не заходя в деревню, выбрались на другую дорогу, и через некоторое время, при помощи бескорыстных туземцев, прибыли в городок Баниас. На выездном посту ГАИ дорожные полицейские пригласили нас в свою будку, чтобы угостить чаем и поговорить с нами. Внутри будка полицейских, как и вся Сирия, была увешана портретами президента Хафиза Асада.

По нашему, ещё загодя составленному плану, дальше мы должны были попасть в город под названием Хама, проехав через Кадмус и Мисяф. Это совсем не далеко, километров сто, не более, но трасса, как оказалось, проходит здесь через высокие горы и машин тут немного. Первая легковушка провезла нас только четыре километра, вторая – пять... «Ступенчатые» города росли на склонах гор, а трасса серпантинном поднималась вверх. Рейсовый автобусик подвёз нас ещё на несколько километров, и не только не требовал денег, но ещё и угощал хлебными лепёшками. Так мы забрались совсем в холодные горы и, стоя на одной из позиций, начали было уже замерзать (было около +5 и ветер), но нас вскоре подобрал грузовичок в свой кузов, грязный от глины и песка. Мы завернулись в тент. Трасса долго поднималась вверх, а потом пошла вниз; мы заехали на карьер. Вечерело. Конечным пунктом грузовика был

маленький, сумрачный, полный ветров городок. Тут же поймали другой такой же грузовичок. После него, наконец, маленький «гробик на колёсах» в своём обитом железом кузове довёз нас прямо до центра Хамы. Ух!

Миллионная Хама, четвёртый по величине город Сирии (после Дамаска, Алеппо и Хомса) знаменита своими деревянными скрипучими водоподъёмными колёсами, построенными здесь в Средние века. Колёса сии, именуемые «нории», вплоть до середины нынешнего столетия поднимали воду из речки в высоко подвешенные трубы городского водопровода. Сейчас водопровод автоматизировали, а нории, скрипя, крутятся вхолостую, привлекая к себе туристов и зевак.

Нории в Хаме в феврале 1999 года

Последний водитель довёз нас прямо до центра города, где, в свете разноцветных прожекторов и фонарей работали фонтаны, были открыты лавки и магазины, и, разумеется, скрипели мокрые, чёрные, похожие на колёса обозрения, нории диаметром с четырёхэтажный дом.

Пока блуждали по вечерней Хаме, поедая сэндвичи и другие вкусности, Мише вновь стало плохо от обилия еды. Сирийские вкусности оказались не просто чуть дешевле наших, но и интереснее. В общем, пора было искать вписку! Мы направились по одной из улиц в южную часть города, размышляя о том, куда бы постучаться на ночлег.

Вторая наша попытка удалась. Случайно мы набрали на пожарную часть.

Она представляла собой двухэтажное бетонное здание. В первом этаже находился гараж и жилая комната — «кают-компания», где сидели пожарные ночной смены, курили, пили чай и смотрели телевизор. Второй этаж был запасным складом пожарных, где они могли поспать, помыться, покататься на тренажерах и прочее. Со второго этажа на первый вела не только лестница, но и круглая дырка с гладким столбом по центру. Это был людопровод, по которому быстро-быстро все люди могли спрыгнуть со второго этажа на первый.

Когда мы зашли, почти все пожарные (человек десять) тусовались в нижней комнате. Наше появление всех обрадовало; нашёлся один англоговорящий и даже один русскоговорящий, который от своего когдатошнего посещения Москвы запомнил несколько слов: «можно», «говорит» и «сколько рубель».

Мы сообщили о нашей нужде. Пожарные предложили нам чай, в то время как вопрос нашей вписки решался с начальством.

— Chief (шеф), говорит, можно, sleep (спать), — через некоторое время сообщил нам русскоговорящий на смеси русского и английского, — говорит, welcome (добро пожаловать)!

Дальше были долгие беседы, чай и ужин, горячий душ — помывка и постируха... Заночевали в большой общей спальне, уставленной кроватями, развесив мокрую одежду на трубу соляровой печи, обогревавшей помещение.

22 февраля, понедельник.

Утром – расстались лучшими друзьями!

На выезде из Хамы увидели большой памятник президенту Хафизу Асаду с большим носом. Президент желал удачи всем странствующим, и мы сфотографировали его на память.

До Дамаска шёл автобан. Без проблем сменили несколько машин.

Англоговорящий водитель последней на сегодня легковушки был настоящим бизнесменом и владел, по его словам, двумя маленькими нефтяными компаниями: одна была в Сирии, другая на Кипре. Он прожил десять лет в Швейцарии, посетил многие страны Европы и уважал западный стиль жизни. В Советской России он не был, но имел своё представление о ней:

– Я не был в России, но был в Болгарии, и думаю, что эти страны в чём-то похожи. Вот я расскажу такой случай. В Болгарии есть памятник, называется Alesha, русский памятник. Я вообще интересуюсь памятниками, и стоял и рассматривал его минут двадцать. Пока рассматривал, ко мне подошли и арестовали. Привезли в полицейский участок. Шеф – он, вероятно, был более образован, спросил о том, за что меня задержали. Я сказал, что просто стоял и смотрел на памятник Алёше минут двадцать. Он сказал мне: «Двадцать минут? Никогда так больше не делайте!» Меня задерживала полиция и в Польше, и в других местах Восточной Европы. Я думаю, что и в России такие же порядки. А в Сирии – хорошо! Никто никогда не спросит у вас документы и не будет задерживать вас!

И впрямь, мы были в Сирии вот уже неделю и ни разу ни один полицейский не спросил у нас паспорт! Ни разу никто не задержал нас для обыска, желая проверить личность! Никто не посадил нас на недельку в тюрьму! Мы не стали рассказывать водителю о наших батумских приключениях, дабы его мнение о «странах социализма» не ухудшилось ещё более. А ведь точно, стоит ему со своей смуглой внешностью приехать в Москву, как к нему прицепятся наши блюстители порядка...

Нефтяной бизнесмен довёз нас почти до самых ворот российского посольства, которое находилось близ большой улицы Ас-Саура, и уехал по своим делам.

Ура! Мы в Дамаске!

* * *

После мягких, провинциальных городков типа Хамы или Маядина, – Дамаск показался нам огромным и суетливым. Широкие улицы, с непрерывно ползущими машинами в четыре ряда в каждую сторону, высокие – этажей до десяти – бетонные здания, толчея пешеходов в базарных местах, шикарные офисы и лимузины... Почти никто не ездил в кузовах, что так привычно было в провинции; почти никто не обращал внимания на нас, иностранцев... Настоящий столичный мегаполис!

Вдали виднелись окраинные кварталы маленьких домов, наклепанных на окрестные горы, как муравейник. Мы вошли в ворота российского посольства.

Йеменцы и оманцы уже отдыхали (оба посольства работали только с утра), но зато мы с Андреем точно установили их местонахождение. Гриша с Мишей достигли счастья в Культурном центре, и мы вечером пошли туда все вчетвером.

Директор РКЦ, Александр Сергеевич Сарымов, удивился нашей автостопной сущности и разрешил нам ночевать в Центре и приводить себя в порядок.

Здание РКЦ состояло из четырёх или пяти этажей, с многочисленными комнатами и кабинетами учебного типа, где днём тусовались сирийцы, вероятно обучающиеся русской культуре, а ночью могли пребывать мы. Нам указали стиральную машину, и мы тут же, вечером, занялись стиркой и стирали до самой полуночи, а потом разложились спать. Мы собирались пробыть в Дамаске дня три, встретиться с друзьями, получить (если будет возможно) йеменскую и оманскую визу и посмотреть город.

23 февраля, вторник.

Мы поднялись в полседьмого, и вновь запустили стиральную машину. Лестница, ведущая на чердак Культурного центра, заставленная старыми стульями и столами, покрылась также и нашими просыхающими одежаниями.

Мы в паре с Андреем отправились на другой конец города, туда, где вчера были обнаружены посольства Омана и Йемена. Был ещё ранний час; мы шли и рассматривали город.

Утренний Дамаск показался нам современной, цивилизованной, относительно чистой восточной столицей. Никаких проявлений прославленной старины на улицах не было – большие современные дома в 5—8 этажей, широкие шоссе, чистые автомобили. На припаркованных машинах мы разглядывали автомобильные номера разных стран арабского мира – в Дамаске можно встретить обитателей Ливана, Иордании, Арабских Эмиратов, Ирака и даже Омана.

Садовники поливали газоны. Утренних пешеходов было мало, всё больше едущих куда-то в своих личных авто и набитых битком микроавтобусах, типа нашего «Автолайна». От Культурного центра до посольского уголка на юго-западной окраине Дамаска оказалось чуть больше часа размеренной ходьбы.

Мы пришли к воротам оманского посольства незадолго до его открытия. Вскоре оно начало работать, нас пустили внутрь и оманский консульский служащий угостил нас чаем. Оманское посольство хотело получить с нас 1500 сирийских фунтов (30\$) и собиралось делать визу в течение десяти, а то и пятнадцати дней. Поблагодарили за чай, попрощались и пошли к расположенным неподалёку йеменцам.

Йеменцы оказались людьми с более скромными запросами – им для изготовления визы требовалось всего по 375 лир с носа, три фотографии, ксерокс первого разворота загранпаспорта и рекомендательное письмо от посольства России. Визу обещали сделать на следующий рабочий день. Мы обрадовались, сели на маршрутку (она стоила пять фунтов – 0.1\$) и поехали обратно в центр города.

В назначенном заранее месте встречи с небольшим опозданием проявились ожидаемые нами Костя Шулов, Паша Марутенков, Вовка Шарлаев и Саша Казанцев. Все они, как и мы, были в восторге от Сирии, и тут их радость была дополнена впиской в Культурный центр.

Но сейчас было не до рассуждений о полезных свойствах Сирии. Сперва надо было приготовить ксероксы первых разворотов наших загранпаспортов. Не у всех они были, и нуждающиеся в них побежали искать ксерокс, который нашли на соседней улице в каком-то офисе. Лавок с надписью «XEROX» в Дамаске не очень много, поэтому мы заглянули в первую попавшуюся солидную фирму, где нам не только скопировали всё бесплатно, но также мы там познакомились с сотрудником фирмы, великолепно говорившим по-русски.

С ксероксами мы направились в посольство России за рекомендательным письмом. Сотрудники посольства не пропустили нас к консулу, не понимая, что нам нужно, и потребовали, чтобы мы изложили нашу нужду на бумаге. Но вскоре всё прояснилось, мы сдали свои паспорта и отправились гулять до завтрашнего дня, к каковому нам и обещали приготовить письмо.

Оставшуюся часть дня мы провели в прогулках по Дамаску, в помывке, питании и вечерней постирке. Вовка Шарлаев, настоящий фундаменталист от автостопа, учил нас ездить автостопом по сирийской столице. Это умение оказалось доступно каждому – важно лишь отгонять такси и маршрутки, помнить, как по-арабски называется пункт назначения и иметь при себе карту. Наши автостопные прогулки по Дамаску оказались интересны не только нам, но и водителям, которые с удовольствием и бесплатно часто довозили нас прямо к порогу требуемых мест.

24 февраля, среда.

Последний раз нас было так много – восемь человек одновременно. На эту ночь нас устроили в одном из просторных подземных помещений Культурного центра – это помещение было театром. Последнюю ночь мы ночевали ввосьмером, ибо Миша Венедиктов, наш весёлый прожорливый спутник, решил завершать своё путешествие и возвращаться домой на учёбу.

Мы передали с Мишей несколько фотоплёнок, письма на родину и приветы.

Наш спутник покинул нас, направляясь в Москву – но не через Батуми, разумеется, а по другую сторону Чёрного моря, через Стамбул, Болгарию, Румынию, Молдавию.

Двое добровольцев (ими оказались мы с Вовкой Шарлаевым) пошли в посольство России за нашими паспортами и рекомендательным письмом. У посольства оказался неприёмный день, и к десяти утра у ворот скопилась толпа – человек двенадцать русских, озабоченных своими нуждами и несчастьями. В 10.20 утра наши посольщики сжалились над соотечественниками и стали пускать нас. Ура-ура-ура! Нам вынесли наши паспорта и рекомендательное письмо на арабском языке.

Вовка, продолжая наущать меня городскому автостопу, повлёк меня на нужную нам длинную улицу Фаиза Мансура, где нам попалась машинка аж 1948 года выпуска. Водители, думая, что несчастные белые мистеры не могут найти йеменское посольство самостоятельно, завезли нас в посольский квартал и заплутали сами. Поблагодарили водителей, вышли из машины и быстро сами обнаружили йеменское посольство; а вскоре подъехали и прочие наши спутники.

Мы заполнили анкеты и вручили йеменским посольщикам всё требуемое: анкеты, загранпаспорта и их ксерокопии, деньги, фотографии и рекомендательное письмо. Взамен мы получили стопку квитанций и обещание, что послепослезавтра, в субботу, наши визы будут готовы.

Завершив все бюрократические церемонии, мы вернулись в Культурный центр собрать последнюю выстиранную и сохнувшую там одежду. Отправились гулять по Дамаску, забрели в кварталы старого города и вдоволь набродились по его узеньким улочкам, а также по базару Сук аль-Хамидия, главному рынку страны.

Вечером, пока мы пили чай в Культурном центре, нас навестила Наталья Сейид-Ахмад, корреспондентка Русского радио в Дамаске. Мы поведали ей подробности нашего автостопного путешествия. Костя Шулов озаботился поиском других журналистов, через которых мы могли бы «прославиться», но пока не обрёл их.

После радиожурналистки нас навел, по наводке сотрудников Культурного центра, суданский студент, обучающийся в Сирии. Он оказался классным парнем и хорошо, с аппетитом рассказывал нам про свою страну, ибо был англоговорящий. Мы расспрашивали его и всё больше убеждались, что не так страшен Судан, как его малюют сказочники из России.

25 февраля, четверг.

Последнюю ночь в Российском культурном центре мы ночевали вновь в подвальном кино-театральном зале, прямо на сцене среди декораций. Утром пришли сирийцы подметать и убирать сцену, готовя её к какому-то действию.

Попрощались с сотрудниками Культурного центра и разъехались из Дамаска в разные стороны, намереваясь опять встретиться в оном городе послезавтра и получить йеменскую визу. Паша Марутенков, Андрей Петров и я направились в тройке на северный выезд из города.

Остальные мудрецы также отправились досматривать разные сирийские достопримечательности. Вовка Шарлаев предлагал желающим направиться пешком через пустыню для осмотра потухшего вулкана Джебель Сис, но никто не согласился идти с ним, и Джебель Сис отложили до следующего раза. Что до нас троих, нам хотелось посетить христианские городки Сейднаю и Маалюлю.

Сменив три машины, мы приехали в городок Сейдная, лежащий среди гор. Над городом возвышался монастырь Сейднайской Божией матери, основанный в шестом веке. Это самая крупная женская обитель в Сирии, здесь обитают около тридцати монахинь и послушниц.

Мы поднялись к монастырю по крутым лестницам. Было ветрено. Оставили рюкзаки перед входом и заглянули внутрь. Монастырь оказался весьма компактен. После того, как мы осмотрели храм, к нам подошла одна из послушниц, спросила о нашей сущности и предложила пообедать. Зашли в маленькую комнатку, вероятно, специально предназначенную для кормления редких паломников: удобные сидения, столик для еды и ящик для пожертвований. Послушница принесла нам еду и тактично удалилась, чтобы не смущаться и не смущать нас.

* * *

После Сейднай наш путь лежал в другое христианское селение – Маалюлю. Среди городов и деревень мира остались три места, где люди до сих пор говорят на том самом диалекте арамейского языка, на котором говорил две тысячи лет назад Иисус Христос и его современники. Все эти пункты находятся на территории Сирии, и Маалюля – самый известный из них.

Маалюля расположена в горном ущелье, на высоте 1650 м над уровнем моря, и поэтому здесь прохладнее, чем в Алеппо или Дамаске. Здесь находится монастырь святой Теклы (Фёклы) и другие достопримечательности. Одной из них является узкая расщелина в скалистой горе, возникшая, по преданию, тогда, когда Фёкле надо было спастись от разбойников – скала расступилась перед нею, и святая скрылась по узкому ущелью.

В Маалюле мы провели полдня. Ночевать в монастыре не стали, и, осмотрев лишь часть интересных мест, продолжили свой путь.

На глуховатой дороге, соединяющей Маалюлю с основной автомагистралью Дамаск – Хомс – Алеппо, мы грелись не меньше получаса, прежде чем нас подобрала машина, идущая аж в Хомс. Жаль, но нам туда не надо. Как только добрались до автобана, мы попрощались с водителем и направились на поиски старинного караван-сарая, именуемого Хан-аль-рус.

Хотя по карте и по иным признакам Хан-аль-рус был совсем рядом, разыскать его никак не удавалось. К счастью, попался местный житель. Тут и обнаружилось, что памятник истории, древний караван-сарай и впрямь представляет собой настоящий каменный сарай без крыши, запущенный и старый, и используется как загон для овец.

Обошли вокруг Хан-аль-руса, посмотрели на овец и поехали в следующий город – Кутейфу.

* * *

Кутейфа оказалась странным городом. Вероятно, иностранцы здесь в диковинку, и за нами увязались многочисленные дети и взрослые, мечтающие показать нам основную достопримечательность – довольно скучную мечеть. Когда мы попросили чая в одной из лавок, нам, в качестве шутки, налили чай с очень высоким содержанием лимонной кислоты. Нормальные люди не способны были употреблять такое питьё, но я демонстративно выпил половину кружки, а второй половиной пытался угостить самого хозяина заведения, который всячески пытался отвертеться от ядовитого «чая». Присутствующие в харчевне граждане удивлялись.

Когда же настал вечер и мы решили обрести вписку в городе сём, стучась в ворота разных домов, дети и взрослые продолжали следовать за нами, вероятно, отпугивая потенциальных желающих приютить нас. Когда мы стучались в очередной дом, оттуда, как правило, выходили люди и пытались направить нас в город Дамаск, где, по их мнению, расположен «хотель». Мы же «хотель» не хотели. Наконец нам удалось избавиться от назойливых детей, помощников

и советчиков и, как только мы остались наедине с вечерней пустынной улицей, вскоре в одном из домов мы и обрели ночлег.

Хозяева дома, куда нас привела жизнь, удивились, но приютили нас. Дед, отец и несколько детей заинтересовались появлением иностранцев, и позвали посмотреть на нас всех своих знакомых (видимо, стадность была присуща этому городу Кутейфе). Среди знакомых оказалось и двое полицейских. Не грубо, но как бы между делом, они захотели проверить наши паспорта, коих у нас и не оказалось (как вы помните, мы сдали их в йеменское посольство). Вместо паспортов у нас были пограничные учётные бумажки, выдаваемые всем на въезде, и удостоверения АВП. Полицейские переписали все имеющиеся сведения о нас корявыми латинскими буквами, и, откланявшись, ушли.

В доме был душ и телевизор. Хозяева, желая развлечь нас, перебирали десятки спутниковых каналов, и случайно попали на суданскую программу новостей. Это было подобие нашей советской программы «Время». Диктор, чернолицый человек в белом халате и чалме, на фоне большой карты Судана, читал по-арабски монотонную речь, перемежающуюся видеоматериалами.

Вот Материал Номер Один – Политические Новости. Какой-то человек в пятнистой военной форме произносит спич перед огромной толпой мужчин и женщин, запрудивших площадь. Когда он делает паузы, площадь отзывается тысячью криков, вероятно означающих «Ура!», «Враг не пройдёт!», «Наука победит!» и т.п.. Скорее всего, это был Хартум – где ещё можно собрать такую толпищу?

После политических новостей пошли новости экономические. Важные люди ритуально разрезали ленточки, и на экране появлялись трактора, поля, каналы и комбайны... В общем, сельское хозяйство в счастливом Судане развивалось невиданными темпами. Диктор в чалме, периодически сменяющий видеохронику, комментировал всё происходящее.

Потом пошли новости из хороших стран. Вот важные люди садятся за стол и подписывают бумаги. Среди важных людей – Ельцин, самый настоящий (вот прикол: в Сирии, по суданскому телевидению, увидеть Ельцина). Затем пошли новости из плохих стран: что-то горело, взрывалось, бежали люди с перекошенными от страха лицами... – это была, вероятно, Югославия.

Так, расширяя свой кругозор при помощи известного жизнезаменителя – телевизора, мы дождались ужина, который был по-сирийски обилён, как всегда. Каша из гороха и простокваша, картошка, маслины, хлеб и чай были, как всегда, изобильны. Поели, помылись, оставили хозяевам на память российские открытки и свои адреса, и в 22.20 улеглись спать.

26 февраля, пятница.

Когда мы проснулись на вписке в Кутейфе, хозяева ещё спали. Пришлось уйти, не прощаясь. Андрей с Пашей поехали в ещё один достопримечательный город Дмейр, а я – в Дамаск, на контрольную стрелку. Стрелка сия, 26 февраля в 10.00 напротив российского посольства в Дамаске, была назначена ещё заранее, в Москве. Маловероятно, но всё же могли там появиться: 1) часто запаздывающий Олег Моренков, или же 2) Миша Кошелев, оставшийся в Турции и собиравшийся настрелять там денег на сирийскую визу.

Я вышел на автобан. Не прошло и минуты, как затормозила утренняя маршрутка:

– Извиняюсь, по money (нет денег), – предупредил я.

– No money – no problem! Welcome! (нет денег – нет проблем!) – обрадовался водитель (именно реально обрадовался, а не пророчал огорчённо), и мы поехали в Дамаск.

Дамаск показался уже привычным, родным городом. Быстро миновав пустынные, населённые лишь утренним солнцем улицы (была пятница), я вовремя оказался в условленном месте. Но, как и следовало ожидать, никто, кроме меня, так и не появился. Несколько раз обошёл забор посольства, подождал минут тридцать и покинул это место.

Пятница, арабский выходной день, располагала к безделью. Целый день я бродил по Дамаску, тревогодничал, сидел, греясь на солнце, писал письмо домой. К пяти часам вечера я прошёл пешком, не торопясь, весь город и пересёк шумную объездную дорогу. Объездная была чуть уже нашей Московской кольцевой, так же полна машин, и называлась, разумеется, Дорога Хафиза Асада.

За кольцевой дорогой имени Хафиза Асада находился целый лес кактусов, а за ним – поле. Солнце ещё не зашло. Я решил, что неплохо было бы заранее лечь спать и капитально отоспаться впрок. Лёг среди этого поля (людей не было) и накрылся тентом.

Прошло минут десять, я уже начал было засыпать, как почувствовал, что меня трогает какой-то предмет. Я выглянул из-под тента. Усатый мужик в зелёной пятнистой одежде и больших кроссовках тыкал в меня ружьём российского производства. Объясняю свою сущность на англо-арабском языке:

- Sleep, букра сафара йемение (сплю, а завтра в йеменское посольство).
- Sleep – my home, yes? (спать – мой дом, да?) – ответил мужик с ружьём.

Обнаружен в сонном виде А. Кротов

Мужик оказался охотником, звали его Набиль. В большом заспинном кармане, заменяющим рюкзак, он хранил мелких птенцов типа цыплят и по дороге ощипывал их. «Вот накормит этими птичками», – думал я. Дом охотника находился в северо-западной части города, довольно далеко отсюда, там, где дома поднимаются в гору и многослойно облепляют её. Мы шли довольно долго – сперва по широким улицам, потом по узким, кривым и крутым улочкам, которые затем сменились длинными извилистыми лесенками.

Интересно, в этом районе Дамаска я ещё не был! Сплетение домиков напоминало муравейник. Стемнело. Мы шли по улице-лесенке, справа она выходила, скажем, на крышу трёхэтажного дома, на которой висело, сушась, бельё, а напротив были ворота другого дома, и, соответственно, только первый этаж. Почтальонам здесь, должно быть, несладко. Таким образом мы шли тридцать минут; Набиль периодически останавливался и тяжело дышал; я тоже.

Наконец, пришли. Набиль жил в одном из тысяч прилепленных к горе домиков, причём внутри было очень современно: ковры, диваны, столик и телефон. По дому бегали два маленьких ребёнка, молоденькая жена была беременна третьим. Хозяин оказался чистюлюбив; придя с охоты, он тут же постирал свои носки, а большие кроссовки спрятал на балкон. Я последовал его примеру. В квартире оказался даже душ. Помылся и постирался, в то время как жена хозяина готовила нам ужин.

Балкон закрывался почему-то на ключ. С балкона открывался потрясающий вид сверху на ночной Дамаск. Город лежал под нами, в долине, и сверкал миллионом огней. Две верёвки на балконе были полностью завешаны бельём, а третья была пуста. Я потянулся развесить свои одежды на ней и тут же получил мощный удар током. От неожиданности я даже забыл обычное в таких случаях российское ругательство, а затем пристроил своё бельё среди уже висящего хозяйского.

Вскоре образовались еда и чай, и мы предались неспешной беседе на смеси английского и арабского языка. В половине девятого вечера весь чай был выпит, и я перешёл в состояние сна на одном из мягких диванов.

27 февраля, суббота.

Набил, его семья и вписчик я встали в половине седьмого. Я собрался, поблагодарил хозяев за приют и направился вниз, в город. Из такого муравейника домов легко найти выход: иди вниз, вниз, вниз... А вот обратно найти дом, откуда я вышел – если бы я вдруг обнаружил, скажем, что забыл на вписке что-нибудь – вернуться было бы уже почти невозможно! Радуясь, что ничего не забыл, я шёл вниз и ел хлебную лепёшку.

В условленное время, напротив йеменского посольства, собрались шестеро участников Великой экспедиции, желающих получить йеменскую визу: Шулов, Шарлаев, Петров, Марутенков, Казанцев и я; а также седьмой, Гриша

Кубатьян, визу Йемена не получавший (он мечтал уплыть из Египта домой, торопясь на учёбу). Кроме нас, россиян, вокруг посольства толпились многочисленные йеменцы, ожидавшие от своего посольства каких-то благ. Два усатых йеменца оказались русскоговорящими и шутили, веселились, вспоминая прежние времена.

– О, Ленин! Да здравствует великий товарищ Владимир Ильич Ленин! Вы ещё помните такое?

– У нас в Йемене риал тощий – 130 риалов за доллар. А в Омане риал такой жирный! Три доллара за один риал!

Когда, наконец, йеменские посольщики сообразовали принести наши паспорта, мы их раскрыли и узрели йеменские визы, нас ждало огорчение. Визы были действительны только месяц – до 26 марта сего года. А ведь всем было ясно, что раньше конца апреля мы вряд ли достигнем Йемена, и в анкетах мы просили трёхмесячный срок годности. Пошли жаловаться.

– К сожалению, у нас такие правила: все йеменские посольства во всём мире выдают визы только с месячным сроком годности. Если вы не успеете въехать в Йемен до 26 марта, вы можете попробовать продлить этот срок в другом йеменском посольстве на вашем маршруте или получить новую визу.

Исправлять нам ничего не стали, и мы мысленно сплюнули, немного сожалея о потраченном времени, поблагодарили йеменских посольщиков и продолжили путешествие.

Назавтра, 28 февраля, у нас была назначена стрелка в городе Босра, посвящённая дню рождения Гриши Кубатьяна. Андрей Петров, я и будущий именинник поехали в Босру нераздельной тройкой. попрощались с прочими (до завтра!) и вышли на Кольцевую дорогу им. Хафиза Асада.

Уже известная нам Кольцевая дорога обходит город полукольцом с южной стороны. Случайно нас свезли с кольцевой не на то шоссе, на которое мы желали (идушее почти прямо в Босру), а на другое, идущее к иорданской границе и имеющее вид автобана. Раз уж так получилось, мы заехали сперва в город Эзру.

В Эзре есть старинный христианский храм св. Георгия, являющийся местной достопримечательностью и почитаемый и христианами, и мусульманами. Храм был построен в 515 году на месте языческого святилища. От древнего капища осталось несколько заложённых каменных дверей в западной части храма, желоба для стока жертвенной крови в алтаре и другие анахронизмы. Был уже вечер, мы осмотрели храм и сели рядом на камнях его ограды. Местные жители, заинтересовавшись иностранцами, окружили нас и вскоре принесли нам «на паперть» хлеб, чай, маслины, простоквашу и другие вкусности.

После города Эзры мы поехали дальше, в Сувейду. Машин было мало; стемнело. Последние километры пятнадцать мы ехали в кузове с огромной коровой. Корова боялась перевозки и заляпала весь кузов навозом, ровным слоем в один сантиметр покрыв дно его. Нам пришлось

сидеть на крыше кабины и крепко держаться, чтобы не упасть в навоз и не смутить корову. В таком виде мы и приехали в ночную Сувейду (корова поехала дальше).

Сувейда показалась нам городом развалин. Мы так и не поняли, почему на той главной улице, по которой мы шли, так много разрушенных домов: было ли причиной сему землетрясение или действия израильских диверсантов? Выбрали дом наиболее целого вида и устроились спать на крыше одного, стараясь не разбудить хозяев.

28 февраля, воскресенье.

Сегодня – последний день зимы.

Погода, в общем, не зимняя. Поутру быстро встали, собрались и направились в Босру, стараясь не опоздать на стрелку. Машин почти не оказалось, но нам, как всегда, повезло.

Босра – весьма необычный город. В центре его находится весьма значительная каменная крепость с башнями, окружённая рвом. Внутренность её, как ни странно, представляет собой сохранившийся римский театр, построенный в третьем веке нашей эры. Превращение театра в крепость шло постепенно, поскольку с седьмого по тринадцатый век Босра была местом многочисленных сражений и междоусобиц. Саму арену и нижние ряды сидений мусульманские строители засыпали толстым слоем земли, и только в наше время археологи расчистили их.

Павел Марутенков, Владимир Шарлаев, Гриша Кубатьян, Костя Шулов, Саша Казанцев и Андрей Петров. Босра

Старое и новое. Босра

Прочие строения античной Босры (в ней, кстати, когда-то проживало более 80 тысяч человек) за истекшие столетия многократно перестраивались; камни и колонны древних зданий переносились для строительства новых. Жители и по сию пору используют тысячелетние кирпичи. Среди развалин римской эпохи, весьма протяжённых, можно встретить развешанное

на верёвке бельё, можно увидеть новые двери, застеклённые окна и даже электрические провода. По римской дороге, вымощенной каменными плитами, бродят ослы и пешеходы. Люди, как могли, приспособили античную Босру к своим современным нуждам.

Встреча мудрецов была намечена у ворот амфитеатра. В воротах находилась открыто-билетная лавка, предназначенная для извлечения денег из посетителей. Сперва мы с Гришей, а потом и все прибывшие, обошли амфитеатр Босры по периметру. Глухо! Постарались сперва древние строители, а потом и реставраторы, превратившие амфитеатр в неприступную крепость как для рыцарей-крестоносцев, так и для безбилетников.

Пока некоторые из нас «лечили» билетёра металлическими монетками и российскими открытками, Казанцев, Шулов и другие уже прошли в ворота сего строения. Кое-кому пришлось-таки заплатить (по студенческому тарифу) пятнадцать фунтов за посещение, ну да это не деньги. Римский амфитеатр порадовал нас своей сохранностью и акустикой – эхо доносило голоса и шумы со сцены даже до верхних рядов сидений.

Когда-то, возможно, на этой арене дрались гладиаторы, а цивильные древние граждане с интересом взирали на это. Кстати, почему бы не повторить? Желающими подраться оказались Вовка Шарлаев, я, Андрей Петров и Гриша-именинник. Первые двое были быстро побеждены другими, и напоследок Андрей с Гришей начали бороться друг с другом, а группа японских туристов с любопытством следила за процессом. Андрей вышел победителем в поединке, к радости японцев и прочих наблюдателей.

Поборовшись и осмотрев в амфитеатре все интересности, мы вышли наружу и скромно отметили день рождения Гриши Кубатьяна в маленьком кафе.

* * *

Босра была последним крупным городом, которым мы наслаждались в Сирии. После Сирии наш путь лежал в Иорданию, а далее – в Египет. Поскольку Иордания страна маленькая, решили не ограничивать себя излишними стрелками там и договорились о встрече в следующих местах:

1) Шестого марта, в день рождения Андрея Петрова, в египетском курортном городе Шарм-эль-Шейх, напротив главпочтамта, в 10.00 по египетскому времени;

2,3) Девятого и десятого марта – в Каире, у ворот российского посольства, тоже в 10.00 по египетскому времени. Опоздавшие в Каир к десятому марта должны будут отзвониться в Москву или иным способом обязательно сообщить о своём существовании. Терять людей нам не хотелось.

По пути из Иордании в Египет всем путешествующим нужно решать небольшую проблему. Эти страны не имеют общей границы, так как между оными, тонким клином, встряло государство «Израиль». Поскольку израильская виза в паспорте делает вас нежеланным гостем во многих странах арабского мира, в Сирии, например, или в Судане, – большинство людей перемещаются на пароме из иорданского порта Акаба напрямую в египетский порт Нувейбу, минуя Израиль. Ближайшее будущее должно показать, придёт ли нам воспользоваться этим паромом, или будут найдены иные, нетрадиционные способы перемещения.

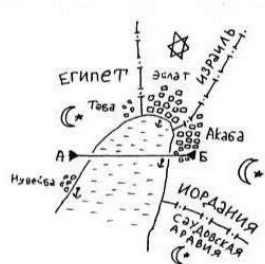

Схема взаимного расположения Египта, Иордании, Израиля и Саудовской Аравии в Акабском заливе

Покидая Босру, мы разделились на следующие пары: Владимир Шарлаев и Костя Шулов поехали обратно в Дамаск, чтобы быстро сообщить тамошним корреспондентам о ходе Великой экспедиции; Андрей Петров – с Пашей Марутенковым; я поехал с Гришей Кубатьяном – сегодняшним именинником и, как вы помните, произвольным виновником нашего батумского заключения; Саша Казанцев остался в гордом одиночестве.

* * *

Было сумрачно и сыро. В последний день зимы шёл наш последний дождь – после сего дня мы на два месяца позабудем про дожди. На пустынном, блестящем от дождя шоссе нас с Гришей подобрал англоговорящий иорданец, ехавший на большой, таксиобразной машине прямо в столицу Иордании, Амман.

Подъехали к границе. Сирийцы быстро прокомпостировали паспорта наши и водителя, а на иорданской стороне – вот незадача:

– Мистер Кубатьян, ваша виза просрочена!

Вот те на! Гриша, как и все мы, получал визу в Москве в самом начале января 1999 года. Однако, посольщики ещё не успели привыкнуть к трём девяткам и начертали «прошлогоднюю» дату выдачи: 05—01—1998.

Что же делать? К счастью, иорданцы обладают способностью ставить визы на границе всем желающим. Но виза для россиян здесь стоит 26 иорданских динаров (около 37 долларов; в Москве она стоила всего 22 доллара). Поскольку процесс обещал быть долгим, мы сбегали к машине, извинились перед водителем (он торопился) и выгрузили свои рюкзаки из багажника. После этого Гриша начал неторопливо качать права, но это было бесполезно: если там, в Москве, ошиблись, то туда и жалуйтесь.

Ничего не поделаешь. Обменяли деньги (в одном из зданий таможни работал удобный, аккуратный обменный банк), заплатили 26 динаров, и Гришин паспорт пополнился ещё одной иорданской визой.

– Welcome to Jordan! – улыбнулся таможенный офицер, возлагая в паспорт большой въездной штамп: добро пожаловать в Иорданию!

...Мы вышли из зданий таможни. Дождь прекратился. Вперёд, на юг, уходил иорданский автобан – дороги в Иордании заметно лучше сирийских.

Занялись автостопом.

* * *

Среди всех известных нам российских автостопщиков, первым и единственным человеком, достигшим Иордании, до сегодняшнего дня являлся московский бродячий человек Паша Подъячев.

Более двух лет назад, в конце 1996 года, известный московский автостопщик Валерий Шанин и его ученики решили учинить путешествие в Египет, с тем, чтобы встретить Новый, 1997 год на вершине пирамиды Хеопса. Маршрут их пролегал через Восточную Европу, затем Турцию, Сирию, Иорданию.

Как это иногда бывает, ни один из участников той экспедиции не достиг намеченной цели. Многие задержались в Восточной Европе, сам Валера со своей дочкой достигли Турции и вернулись домой через Грузию, впервые в истории отечественного автостопа завершив кольцевой маршрут вокруг Чёрного моря. И лишь один из стартовавших, Паша Подъячев, проехал через Сирию и Иорданию – автостопом, на автобусах и дешёвых поездах. Достигнув Акабы, он искупался на Красном море и стал первым, совершившим сие, а затем направился домой.

«Народ поначалу попадался какой-то жлобский. Я проторчал два часа, пока, наконец, поймал попутку до Аммана. И ведь останавливались охотно, но не хотели везти бесплатно!» – вспоминал он.

Конечно, во всех странах вблизи границы распространён таксизм. Но нам с Гришей повезло. Довольно быстро, несмотря на сгущающийся вечер, мы уехали в первый иорданский город Мафрак, а оттуда свернули в Джераш – город, известный очередными великолепными развалинами римской эпохи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.